

# Хозяйка погоста



Анна Горбачёва

Анна Горбачева  
**Хозяйка погоста**

«Автор»

2023

## **Горбачева А.**

Хозяйка погоста / А. Горбачева — «Автор», 2023

После смерти жизнь есть! Порой даже более захватывающая и интересная. Кладбище - это город, в котором дружат, общаются, грустят и, когда приходит время, уходят дальше. Студентка Лера может видеть оба мира, а значит передать весточку и помочь найти вечный покой. Каково молодой девушке оставить привычную жизнь и заняться проблемами тех, кого уже нет? С какими тварями загробного мира ей придётся вступить в схватку, чтобы спасти тех, кому ещё рано «переходить черту»?

© Горбачева А., 2023

© Автор, 2023

# Содержание

Часть первая. Пиявка	5
Часть вторая. Клятва	32
Конец ознакомительного фрагмента.	62

# Анна Горбачева

## Хозяйка погоста

### Часть первая. Пиявка

Колючий февральский снег хлестал по замёрзшим пальцам. Ещё крепче сжимая фотографию с атласной чёрной лентой, перехватывающей уголок, Лера упорно шла вперёд. Будто Данко, ведущий за собой свой народ...

Эта похоронная традиция утасла уже давно. А тогда, в звонком босоногом детстве, этим было никого не удивить. Подумаешь, девчонка, которая несёт впереди траурного шествия фотографию юноши.

Сразу после неё хмурые и сосредоточенные мужики несли на плечах гроб. Потом шла толпа рыдающих женщин, бросающих на дорогу крепко пахнущие еловые ветки.

Это был первый раз, когда Лера столкнулась со смертью. Может, раньше и умирали какие-то соседи или сильно дальние бабушки и дедушки, но это не оставляло отпечатка в душе. Когда же умер брат, всё стало совсем по-другому...

Леру душили слёзы, иногда прорываясь и смешиваясь со снегом. На душе было очень горько. И нельзя сказать до конца почему. Может, это жалость к брату, которого всего за год съела страшная болезнь... Лера изо дня в день наблюдала, как от её когда-то смешливого Макса не остаётся и следа улыбки, как приходили каждую неделю врачи и что-то ему кололи, хмуря брови. Тогда Макс ненадолго переставал кричать, а всё больше дремал. Потом и врачи приходиться перестали. Мама стала делать уколы сама, но то и дело не попадала в тоненькие вены, отчего руки брата, и без того худые и прозрачные, покрывались огромными чёрными синяками. Она плакала и постоянно звонила в больницы: просила забрать его, отсылала документы в районные центры, ходила в поликлинику и выпрашивала лекарства и врача. Но всё реже и реже на её просьбы откликались.

Однажды лекарство просто не дали. Охрипшим и севшим голосом Максим кричал несколько суток кряду. Мама неотлучно сидела рядом – то пела, то плакала, то кричала вместе с ним. Лера закрывала голову подушкой, чтобы не слышать его криков, и... желала ему смерти, лишь бы этот крик оборвался, только бы не слышать больше, как от безысходности рыдает мать. Сейчас Лере было очень стыдно за эти мысли. Девочка думала: вдруг это она виновата, что брат умер, что если бы она не желала ему смерти, он бы выздоровел, и всё стало хорошо. Потому ей было неловко и совестно нести фотографию юноши с чёрными смоляными волосами – он на ней так счастливо улыбался, отчего в уголках его глаз собирались паутинки морщинок.

Вот и автобус, который ждал процессию на площади возле здания администрации. Все похороны проходили одним путём, путаясь в лабиринтах дворов однотипных пятиэтажек, так или иначе попадая на главную дорогу к этой площади. От неё – километр вдоль промышленной зоны с заводами, которые почти развалились после распада великого Союза, потом – мимо железнодорожного переезда – на поле, а там уже видно у кромки леса и огромное кладбище. Хоронить здесь начали ещё в царские времена, и оно неумолимо отвоёвывало метр за метром поля, подкрадываясь к железнодорожному переезду. Лере всегда было интересно, что будет после того, как это произойдёт? Она живо представляла, как будут ломать старые цеха, прокладывая дорогу к погосту, а потом дальше и дальше – до самой администрации.

За окном автобуса проплывали грязные насыпи обочин, казалось, весь мир окутала серая пелена. Вот показался ярко-красный шлагбаум переезда, словно лента финиша, отсекающая

мир живых от мира мёртвых. За тускло блестящими рельсами только слепящая белизна чистилица и последний приют.

Ворота кладбища гостеприимно распахнуты, возле них – ряды повязанных платками бабулек с цветами да низкая грязно-белая церковь, в которой отпевают усопших. Лера достала из кармана куртки чёрный платок с яркими серебряными пайетками, крайне нелепый, но другого не было. Нацепив его кое-как, она уже сделала шаг, чтобы войти в ворота, но тут же почувствовала, как её крепко схватили за капюшон.

– Ты что, с ума сошла?! Ворота для мёртвых, для живых – калитка! – раздувая ноздри, шипела в лицо девочке одна из дальних родственниц, наиболее рьяно следившая за исполнением похоронного ритуала. – Никак на тот свет собралась?

– Не верю я в это ваше Христианство! – со злостью выкрикнула Лера и, вырвав из цепких рук капюшон, гордо вошла в ворота.

Она и сама не поняла, зачем так сказала. Весь день казался ей нелепым: напускные традиции, родственники, которые за год даже не зашли ни разу, а здесь стоят, охают, рыдают и принимают капли от сердца...

– На кого ты нас покинул! Такой молодой, жить бы и жить! Горе, ох, какое горе! – слышалось то там, то тут.

– Лицемеры, – прошептала чуть слышно Лера и, не дожидаясь остальных, пошла к церкви. – Хоть погреюсь.

Согрелась она быстрее чем ожидала. Прямо возле дверей, скрестив руки на груди и чуть прищутив глаза, стоял её брат Макс.

Лера вдохнула стылый воздух и забыла выдохнуть, спина покрылась горячей испариной, а коленки предательски задрожали. Боясь моргнуть, девочка сделала пару шагов назад и покачнулась.

– Ой, дочка, – раздалось за спиной, – тебе плохо? – Смотри, какая белая. Давай, «корвалольчику» накапаю, – сзади стояла сердобольная старушка из числа дальних родственников.

Лера оглянулась буквально на секунду, но видение успело раствориться. «Показалось», – попыталась убедить она себя.

Отпевание она стояла, озираясь по сторонам. Макс в видении был таким настоящим, просто не верилось, что всё почудилось.

Подошла мама:

– Всё в порядке? Какая-то ты растерянная, – прошептала она, приобнимая дочь.

– Да-да, всё хорошо, – успокоила её Лера.

От церкви процессия двинулась на кладбище. Нести было недалеко, поэтому решили идти пешком.

Дальше всё происходило как в тумане. Мёрзлая земля, стучавшая по крышке гроба. Поминки, где все сначала сидели со скорбными лицами, а через час, наевшись и пропустив несколько стопок, начали делиться новостями и посмеиваться.

Лера села рядом с мамой, но та постоянно бегала на кухню: налить ещё компота, принести салфеток, подать горячее. Девочка чувствовала себя чужой среди плохо знакомой толпы родственников. Наконец, те стали прощаться.

Оставшись одни, Лера и мама говорили мало. Неторопливо убрали со стола, вымыли посуду, и оказалось, делать больше нечего. А потом в доме воцарилась тишина, непривычная и пугающая...

– Пойду лягу, – нехотя протянула Лера. После произошедшего у церкви ей было крайне не по себе: на душе тревожно, оставаться одной боязно.

– Иди, милая, я ещё посижу, – отозвалась мама.

Девочка хотела попросить её лечь сегодня вдвоём, но почему-то передумала. Раньше они жили с братом в одной комнате. После того, как он заболел, мама укладывала его у себя, чтобы

услышать ночью, если станет плохо. Спать на его месте Лере хотелось ещё меньше, чем быть одной в комнате.

Потоптавшись, так и не придумав, что сказать матери, Лера пошла в свою комнату. Тихонько приоткрыла дверь. Внутри всё выглядело как всегда: стол у окна, над ним полки, на которых стройными рядами стояли кассеты Макса – его гордость. Он откладывал все карманные деньги и подрабатывал летом, чтобы покупать их. У стены от двери – его кровать, давно заброшенная и закиданная всяким хламом. Напротив кровать самой Леры, а в изголовье – шкаф. Вот и всё нехитрое убранство.

Папа умер давно, когда Лера была маленькой, и она его плохо помнила. Зато помнила, как тяжело было матери тянуть двоих детей, как судачили за спиной: «дочь самоубийцы!». Как будто у Ленки, которая больше всех сплетничала, история лучше: её отца прирезали собутыльники в пьяном угаре. Какая разница, почему ты безотцовщина?

С этими мыслями Лера улеглась поудобнее, обняв любимую игрушку.

«Надо ночник выключить», – вспомнила она, но вставать уже не хотелось. «Может, со светом спать, мама вряд ли будет сегодня ругаться», – пыталась она оправдать нежелание вылезать из-под уютного одеяла.

Внезапно за окном сильно загудел ветер, ветки застучали в стекло. Лера натянула одеяло до подбородка.

Краем глаза она заметила, как тень в углу стала угольно-чёрной, затем пропал краешек стола, а на полке слегка выдвинулась одна из кассет.

– Маааааа! – что есть мочи закричала Лера.

Через пару мгновений дверь распахнулась.

– Он тут, мама, тут! Он... Я его видела, и у церкви его видела, а сейчас – кассета и ветер! – захлёбываясь от страха и слёз, кричала Лера.

– Тише, тише, это всё сон, сон; тебе приснилось, никого здесь нет, – успокаивала мама, обнимая девочку. – Я с тобой! Так и знала, что не надо было тебя брать на кладбище... Ты просто очень устала. Здесь, дочка, никого нет.

– Кассета! Я видела! Кассета! Вон она торчит! – почти кричала сквозь рыдания Лера, указывая на полку.

– Это тётя Вера помогала убираться к поминкам, наверное, вытирала пыль и сдвинула кассету. Тебе просто показалось! Закрывай глаза, я с тобой останусь, спи. Слышишь? Спи.

Утро началось с яркого солнца. Ночью была сильная метель, а сейчас искристый снег весело подмигивал с той стороны окна. Лера сладко потянулась, но воспоминания вечера привели в чувство. Она резко села в кровати. Краешек кассеты так же выступал среди ровного ряда на полке. Утром всё казалось не таким страшным, но на всякий случай она отвела глаза и быстро вышла из комнаты.

Мама была на кухне:

– Проснулась? Чем завтракать будешь? Салат остался, картошка, немного колбасы. Хотя нет, колбасы, наверное, уже не осталось.

– Мам? – Лера хотела поговорить о вчерашнем вечере, но не знала, как начать.

– Милая, всё хорошо. Ты вчера перенервничала, у нас был тяжёлый день. Знаешь, такое вообще бывает: человек, который сильно устал, начинает видеть то, чего нет. С твоим папой такое часто случалось. Как возьмёт две смены подряд, перетрудится, так ему и мерещилось всякое. Так что тебе есть в кого.

Лера в ответ просто кивнула, не зная, как доказать, что это было на самом деле. Хотя, может, и не было? Может, правда, показалось?

Перекусив вчерашним салатом, она воровато протиснулась в комнату, схватила свои вещи, портфель и начала переодеваться прямо в коридоре. Мама выглянула из кухни, но промолчала.

В школу идти жутко не хотелось, но... девятый класс, да ещё второе полугодие. Осталось совсем немного до экзаменов, и прощай школа!

– Хорошо бы «прощай» и этот убогий город, – подумала Лера, закрывая за собой дверь.

Весь день из головы не шла та кассета. Первым делом, вернувшись домой, Лера смело зашла в свою комнату. После школьного дня вчерашний вечерний эпизод казался фантазией. В конце концов, ей уже пятнадцать лет и она не ребёнок, чтобы верить в сказки!

Лера, не переодеваясь, подошла к письменному столу и взяла кассету. На ней была надпись: группа «Кино». Она озадаченно покрутила её в руках – ничего примечательного. Вытряхнула содержимое и изучила вкладыш – тоже ничего. Пожав плечами и слегка разочаровавшись, она села на пол и уставилась на пластиковую коробочку. Прошло несколько минут, как внезапно девочку озарило: надо послушать! Чуть дрожащими пальцами вставила кассету в магнитофон.

– М-м, восьмиклассница, а-а-а, – донеслось из динамиков.

– Бред какой-то. Я не восьмиклассница, а уже в девятом, – вырвалось вслух.

«Но когда заболел Макс, была в восьмом!», – мелькнула мысль.

Лера вспомнила самое начало: простой дружеский футбольный матч между дворами. Брат, как всегда, был нападающим. Быстрый, как ветер, напористый, бесстрашный. Ребятам повезло, что он был в их команде! Закончился первый тайм, перерыв затягивался. Кто-то побежал домой и до сих пор не вышел, кто-то стоял кучкой и беседовал. Лера пошла с девочками прыгать в «резиночку». А потом... Воспоминания оборвались. Как начался второй, тот самый злополучный тайм? Что они делали в перерыве? Она никак не могла вспомнить. Будто сон, который ускользает после пробуждения.

– Ладно, ерунда, – намеренно сказала девочка вслух, потому что вокруг повисла пугающая тишина. Хлопнула входная дверь – это вернулась мама...

А потом покатила обычная жизнь. Лера только изредка возвращалась мыслями к похоронам брата, но все это казалось уже таким далёким...

\*\*\*

«Ммм, восьмиклассница, а-аа», – заиграло радио.

– Переключи! – сердито и резко бросила Лера.

– Что не так? Тебе уже двадцать лет! Пора начать любить группу «Кино». Ведь ничего лучше мир ещё не придумал, – отозвался симпатичный темноволосый парень. Одной рукой он держал руль, а второй нажимал на кнопку переключения радио.

– Да не знаю я! С детства не люблю! уже виновато проговорила Лера, подумав, что не стоило говорить так жёстко. – Знаешь, Эд, я и правда не помню. Иногда, мне кажется, что «Кино», а особенно эта песня, напоминают о чем-то жутко неприятном. Хочется заткнуть уши.

– Как звук ногтями по стеклу? – с насмешкой спросил парень. – Не так уж и плохо поёт Цой, знаешь ли.

Лера вздохнула и ничего не ответила. Она и так сильно нервничала: сегодня ей предстояло знакомство с друзьями Эдуарда. Молодые люди встречались всего два месяца, но Лере казалось, что уже целую вечность: «Имя только у него дурацкое – «Эдуард», совсем ему не подходит. «Эд» звучит приятнее, хотя тоже несколько странно и непривычно».

– Нервничаешь? – Эд опять без слов угадал её настроение.

– Ага. Даже не знаю почему. Ну, друзья и друзья. Не монстры же. А с самого утра мне беспокойно.

– А вдруг монстры? Ты же меня не так хорошо знаешь, – парировал Эд, и они оба засмеялись.

За окном машины пролетали заснеженные сосны, бескрайние белёдые поля сверкали в лучах удивительно яркого для февраля солнца. Как давно она не была в этих краях! После окончания девятого класса ей удалось поступить в техникум в областном центре. Лера сразу же записалась в общежитие. Конечно, ей было очень жалко мать, которая остаётся совсем одна, но желание вырваться из этого серого города было намного сильнее.

«Что ж, поезжай, маленькая моя, лови за хвост удачу. Настанет день, когда ты всё-таки вернёшься сюда. Знаешь, человек всегда тоскует по месту, где родился. Родной город – это тоже мама, не зря её Родиной называют. Я тоже уезжала, работала то здесь, то там, а потом вернулась. Так что ты поезжай, потом сама почувствуешь, когда пора домой. А я тебя ждать буду», – говорила мама, провозжая дочку на железнодорожную станцию.

У Леры стоял ком в горле, но сдаться не позволила гордость.

– Я буду приезжать, мама, – стараясь не показать слёз, выдавила Лера.

Так началась её новая, взрослая жизнь.

Первый год она нередко навещала маму, а потом устроилась на подработку, и времени совсем не оставалось. Всего два часа езды превратились в пропасть...

– Эд, помнишь, я тебе рассказывала про свой родной город? – неожиданно для себя спросила Лера.

– Конечно, помню, мы как раз сейчас совсем рядом проезжаем.

– Отлично, впереди поворот с указателем, поверни туда. До путей направо и там прямо.

Эд удивлённо посмотрел на спутницу, ожидая объяснений, но девушка уже отвернулась к окну. Почему-то так хорошо стало у неё на душе после этого решения.

Молча доехали до переезда, повернули к полю. Дороги, на удивление, оказались расчищенными.

– Это что, кладбище?! – воскликнул Эд, когда в конце поля показались пики оградок, кресты и цветы на венках.

– Да, кладбище, – протянула Лера.

Всю дорогу она перебирала детские воспоминания и особенно – о Максе. Ей так хотелось забыть то, о чём все прошедшие годы она старалась не думать и не вспоминать.

Эд остановился возле ворот и глухо сказал, нахмутив брови:

– Я туда не пойду.

– Ты боишься кладбищ? – Лера попыталась перевести всё в шутку.

– Не боюсь, но идти не собираюсь, – было видно, что Эд очень недоволен, но Лера не могла понять почему.

– Хорошо, я пойду одна. Я недолго, – сдалась девушка. Спорить ей не хотелось.

Выйдя из машины, она направилась к калитке. За последние пять лет здесь ничего не изменилось. В таких местах время вообще течёт как-то по-другому...

Прямо – четыре ряда до берёзы. Потом пройти половину пути и попасть на дорожку до старой части погоста. Макса похоронили рядом с отцом...

Лера знала связанную с папой семейную историю. Хотя самоубийц не хоронят вместе со всеми, но маме тогда удалось приписать ему психическое расстройство, и для него сделали исключение. Он и правда был болен. Лера этого не помнила, но рассказов родственников достаточно, чтобы не сомневаться. Рассказывали, как он нагишом бегал по городу и как милиция нашла его спящим на кладбище. А сколько раз папу привлекали за хулиганство, хотя, как говорила мама, ни хулиганом, ни дебоширом он не был. Потом его отправили вместо тюрьмы в психиатрическую больницу. Там, казалось, вылечили, но после рождения Леры всё началось заново... И закончилось страшной бедой. А теперь уже нет с ними и Макса...

Одна из родственниц тогда его на похоронах сказала, глядя на маму и Леру:

«Вот теперь мальчишки и девчонки по разную сторону стекла!» После этих слов стало страшно неуютно. Как будто и правда, мир живых и мертвых разделяет лишь тонкое стекло, по которому мы ходим. Одно неаккуратное движение – провалишься туда, в мир мёртвых...

Задумавшись, она не заметила, как оказалась у знакомой оградки:

– Ну, здравствуй, брат!

Голос девушки дрогнул, в глазах показались слёзы.

На могилке было убрано, пёстрой кучкой лежали конфетки, и даже печенье ещё не растащили птицы. Снег вокруг вытоптан, дорожка расчищена.

Кладбище выглядело пустынным, только неподалёку, через несколько могил, убиралась маленькая сухонькая старушка, поднимая в воздух целый ворох искристого снега.

Вчитавшись в скупые строчки на памятнике, девушка с сожалением воскликнула:

– Надо же! Я опоздала на три дня! – Теперь понятно, почему здесь так прибрано! Мама! Пять лет со дня смерти Макса...

Стало неприятно и обидно, оттого что мама даже не позвала её. Хотя, наверное, ничего удивительного, ведь после похорон Лера была на кладбище только один раз. Да и последний год с мамой общалась по телефону очень редко. Почувствовала укол совести, стало стыдно. И за кладбище, и за маму, и за то, что не приезжала... По щеке сползла холодная слезинка. Сейчас Лере хотелось сделать хоть что-нибудь, лишь бы унять эту обиду и боль внутри...

Девушка заглянула за памятник в поисках чего-то. Обычно там хранили инвентарь. Она не ошиблась: небольшая лопатка была аккуратно спрятана в пакете. Лера стала расчищать ею и без того чистую дорожку, откапывать из снега столбики оградки. Теперь уже слезы катились ручьём...

– Эй! Девочка! – окликнул её кто-то.

Лера оглянулась. Кроме крохотной старушки в десятке метров от неё, больше – никого. В глазах вдруг зарябило и замерцало. Наверное, это из-за слёз и яркого солнца. Девушка потеряла глаза.

– Что такое, бабушка? Помощь нужна? – откликнулась она.

– Да, да, нужна! – как-то слишком радостно донеслось в ответ. – Лопату возьми!

Лера двинулась на голос; глаза всё ещё сильно слезились.

– Чего, бабуль? – спросила она, дойдя до нужного места, и успела разглядеть странную картину: сухонькая старушка в старом тулупе и серой кружевной шали забралась с ногами на тонкую, покосившуюся и изрядно прогнившую лавочку. Руки в толстых варежках сжимали веник. Видимо, он и поднимал столько снега в воздух.

Сама могилка с покосившимся крестом, без фотографии, на ржавой табличке еле заметные буквы. А оградка настолько крохотная, что вдвоём тесно стоять.

– Погребёшь маленько, а? Снега вон уже по пояс, срамно перед людьми-то. Видишь, я сама-то не достаю! – на этих словах бабуля, стоя на лавочке, снова принялась махать веником. В воздух взлетел снежный вихрь.

– Стой, стой! Ты нас вдвоём заметишь! Сейчас раскидаю! – замахала руками девушка и подумала: «Сумасшедшая, слезла б с лавки хотя бы!»

Но спорить было себе дороже, да и дела тут минут на десять. Представив, как из-за её долгого отсутствия может разозлиться Эд, она взялась за работу.

– Ох, как хорошо, что ты мне тут попалась, а то совсем помочь некому. Дед помер, его на другую сторону погоста увезли. Тесно тут, видишь ли! А чего лучше: тесно или с чужими людьми? Вот и я думаю, не зря ж говорят: «В тесноте, да не в обиде». Сестрица ходила, помогала, да сейчас уже, клюшка старая, в зеркало себя не узнаёт. Уж и срок её почти вышел, скоро повидаемся. Деток-то не нажили. Знаешь, как страшно без деток? Вроде жили себе, а вот, оказывается, и помочь некому потом. У тебя вот деток пока нет, а будут. Хорошо тебе – помогать

будут, – старушка суежилась и всё говорила, говорила... Поначалу Лера пыталась ей отвечать, но заметила, что та её не слышит, и продолжила работать молча.

Скоро внутри оградки стало чисто, насколько это возможно, но руки у девушки совсем заледенели. Лера дышала на замёрзшие пальцы, но теплее не становилось.

Видя, что Лера собирается уходить, старушка слезла с лавки.

– Хорошая ты девка! Молодая, правда. Молодость – это хорошо, но молодость в горизонт смотрит, а под ногами своими ничего не замечает. Поэтому к старости и гнёт крючком – смотри, мол, изучай. Нужное-то оно всё перед носом.

Лера поймала себя на мысли, что ей уже порядком надоело слушать болтливую старушку, но развернуться и уйти было как-то неловко:

– Всё, бабуль, убралась. Пойду, ждут меня. Здоровья тебе!

Старуха вдруг закатилась долгим скрипучим смехом. Несколько птиц снялись с веток и, уронив снег, разлетелись

– Ох, повеселила, ох, давно я так не смеялась! Ты прямо, как Макс, даром что сестра. Он тоже, как что ляпнет, хоть стой, хоть падай.

Лера почувствовала, как холодок пробежал по позвоночнику:

– Вы... знали моего брата?

– Конечно, мы ж соседи, как не знать-то? – вскинула руки старушка, как будто Лерин вопрос был глупым.

Девушка нахмурилась: она не могла вспомнить эту странную бабку, хотя в подъезде помнила каждого жильца, да и почти всех в своём доме знала.

– Я вот вас не помню, бабушка, – покачала головой Лера.

– Конечно, не помнишь. Когда я померла, за годочек до отца твоего, ты маленькая была. Правильно сделали, что его к нам поселили, не самоубийца он, затащили его в петлю. Жалко мужика, был как ты: глаза, что скрыто, видели, да уши шёпот слышали. Макс-то, конечно, посильнее был бы, мужик всё-таки, куда нам, бабам...

Дальше Лера уже не слышала – она развернулась и побежала, бросив лопату прямо там. Дыхание сбивалось, пот катился по вискам, а в ушах стучало. Казалось, что если она остановится, то эта сумасшедшая старуха её догонит. Разум подсказывал: оглянись да посмотри – вряд ли она смогла бы бежать так быстро! Но кто их, сумасшедших, знает...

Ближе к воротам в боку невыносимо закололо, пришлось перейти на быстрый шаг.

– Ты чего, привидение что ли увидела? – удивился Эд, глядя на запыхавшуюся девушку.

– Давай быстрее уедем отсюда! Я тебе всё расскажу по пути, – торопила Лера. Эд больше не спрашивал и завёл машину.

Когда погост растаял вдали, а дыхание выровнялось, оказалось, сложить произошедшее в логический рассказ стало ещё сложнее.

– Я брата зашла проведать. Оказывается что три дня назад было пять лет со дня его смерти... Там бабушка была – через пару могил. Попросила помочь убраться...

– И что? Ты пошла? – спросил Эд как-то зло.

– Ну, да. Она же старенькая, ей тяжело, – ответила Лера чуть растерянно. – Да и работы там на пять минут – оградка-то крохотная, два шага в одну сторону и два в другую. Я таких и не видела. А снега по колено намело, видно, некому помогать старушке.

Эта картина снова встала у Леры перед глазами: глубокий снег до самой лавочки и ни единого следа... Старушка с веником... Не прилетела же она на эту лавочку?!

– Ле-ер? Что дальше? Ты бежала, потому что помогла старушке снег грести? – вывел её из задумчивости Эд.

– Я не знаю, как тебе объяснить... Она говорила, как все бабушки, про родню свою, про то, что детей нет, а потом вдруг- про Макса! Сказала, что соседка и знает его, но я её совсем не помню. Мне кажется, она нездорова. Увидела, что я на его могиле была, вот и придумала всё

это. А эти сумасшедшие, не знаешь, что и ожидать от них. Вдруг она ножик там припрятала или ещё чего.

– А ничего странного ты там не заметила? – участливо спросил Эд.

«Как хорошо он меня успел узнать за эти два месяца», – подумала про себя Лера, но вслух ответила:

– Знаешь, сумасшедшая на кладбище – это вообще странно! И страшно. Я испугалась.

Эд, положил ей руку на колено:

– Вот поэтому я и не хожу никогда на кладбища – там всегда полно сумасшедших.

Остальную часть пути они ехали молча.

«Что ещё говорила старуха? Что-то про отца. Она его знала и знала, что он не самоубийца», – думала Лера, и волнение не унималось.

\*\*\*

Как-то в детстве приехала в гости троюродная сестра отца. Взрослые выпивали на кухне, переговаривались, вспоминали истории из жизни. Мама вообще редко пила, но в тот раз её непривычно замедленная речь явно указывала на то, что домашнее вино сделало своё дело.

Лера с братом катали машинки в коридоре рядом с кухней, поэтому девочка хорошо слышала каждое слово из разговора.

– Знаешь, а я не верю, что Сашка сам, – ответила мама на какую-то фразу сестры. – Не такой человек он был. Иногда даже казалось, что не он сумасшедший, а мы всё. Помнишь, когда на юбилее у тёти Аси были, Саша произнёс тост: «Твой муж бы тебе сегодня сказал: «Аистёнок, вот и стала ты старше, но чем старше, тем ценнее, потому что ты не Аистёнок, а Белый Аист!». Ася рыдала три часа в туалете, помнишь? Мы думали, придётся «скорую» вызывать. Она, когда с мужем познакомилась, пошла в гости с бутылкой коньяка «Белый Аист». А её муж, царствие ему небесное, сказал: «Продолжить бы наше застолье коньячком». Ася зашла аккуратно после его слов. Он и выкрикнул: «Женюсь!». И сдержал слово: поженились, хотя оба немолодые были. С тех пор он её Аистёнком и звал. Это знали все, но почему он её так звал – никто! До того юбилея... Генку-то её, уже четыре года как похоронили.

– Ты про юбилей... Так Сашка с детства нас изводил. Его на лето с остальной ребятнёй к нам в деревню привозили. А он нашёл какое-то старое кладбище в лесу, уже и местные-то забыли, что там плиты лежат ещё со времён царя. Однажды дёрнул туда под вечер. Всех домой зовут, а его-то и нет. Ух, как бабка испугалась, в лесу же зверьё – сожрут! Не то что сейчас, одни белки и ежи остались. А тогда, бывало, и волки баловали, да хоть та же лисица. Много малому надо? «Хрусь» за шею – и поминай как звали.

Так вот, бежит бабка, кличет его, а ей ребятня и говорит: «Он в лес пошёл. Сказал, что друг звал ночью прийти. Хвастал, что покажет, где целая поляна светляков! А мы не пошли – нам уши надерут».

Бабка к мужикам бросилась: «Спасите кровиночку, никак Лешак его взбаламутил. Если волки не загрызут, как пить дать он в болото заведёт да русалкам на потеху притопит!»

Ты ж знаешь бабку нашу, она до последнего часа «в сказках Пушкина жила», в духов верила.

Так вот, мужики похватили кто что и бросились в лес, а Никитич, тот, который в хату с краю переехал, говорит: «Ведите меня с собой, я знаю, про каких светляков речь!» Ну, Никитич-то мужик умный, только неходячий. Вот представь: соорудили они носилки, посадили его и всей процессией, как падишаха, в лес понесли.

Смешно было бы, если б не так страшно! А дальше не знаю, что было. Рассказали только, что нашли мальчика на том кладбище, и светляков вокруг было видимо-невидимо. Без сознания он был – то ли головой стукнулся, то ли перепугался. На следующий день, как очухался, то и пошёл по всей деревне в двери стучаться – от кого-то приветы передавал! Тётки в рёв,

мужики злые да хмурые... Сказали, что это не он вовсе вернулся оттуда, а только оболочка его. Тогда бабка мамке его и позвонила. Поехала аж в центр, чтобы набрать по межгороду. Боялась, что пристукнет кто парнишку за его фантазию. А я всегда знала, что это он, а никакая не оболочка! Сестра, как-никак. Вся деревня потом шушукалась: поняли они, про кого Сашка каждому говорил! Не мог пацан такое сам придумать! Я с тех пор чуть в загробный мир не поверила. Такие вот дела!

\*\*\*

Машина остановилась напротив дачного домика, выдернув Леру из детских воспоминаний.

– Всё хорошо? – Эд поднял брови и вопросительно взглянул на девушку.

– Да, просто волнуюсь, – зачем-то соврала она. Очень не хотелось снова заводить разговор на эту странную тему.

Серая, посыпанная щебнем дорога, уходила вдаль. По обе стороны стояли домики. Многие выглядели заброшенными. Да уж, не самое красивое место.

Низенькие ворота, напротив которых остановилась машина, проржавели и облупились. За ними виднелся зелёный деревянный одноэтажный домишко, уже плотно вросший в землю. Кольхнула на окне занавеска – наверное, хозяева заметили машину. Через несколько секунд дверь открылась и на пороге показалась стройная девушка с длинными белыми волосами. Лера даже растерялась, настолько нелепо хозяйка смотрелась на фоне своего дома. Ей больше подошла бы яхта на заднем плане, а не эта пропитанная унынием дачная застройка.

Девушка приветливо помахала рукой, приглашая входить, и скрылась в глубине дома.

Эд закрыл машину, протянул руку за прутья калитки, отщёлкнул замок, и дверь распахнулась. Лера с интересом оглядывалась: старая покосившаяся беседка, пара плодовых деревьев, навес, рядом мангал, на котором уже дымилось мясо. Всё остальное было замечено снегом.

В детстве она бывала на этих дачах – за ними был единственный на всю округу пруд. Летом до её дома можно было добраться через поле всего за час, а если на велосипеде, и того меньше.

Вот уж удивительно, что друзья Эда живут именно здесь, так близко от города её детства!

Парень направился сразу в дом, Лера пошла за ним. В сенях было ещё хуже, чем снаружи. Дом явно нуждался в хорошем ремонте: прогнившие доски пола, щели в стенах, треснутые окна и кучи старого хлама.

– Привет, я Зоя, – донеслось из-за двери.

– Привет, я Лера, – представилась девушка.

– Проходите на кухню, – позвала их за собой Зоя.

– Пойдём? – подбодрил улыбкой Эд.

Лера кивнула, и они прошли дальше.

На кухне дела обстояли явно лучше. Большую часть пространства занимали белёная печка и дубовый стол. Пахло дровами и травами. На столе уже стояли тарелки с салатами и нарезкой. Лера невольно улыбнулась: как будто к бабушке в гости приехала.

– Проходите, не стесняйтесь! Позади вас вешалка, можно куртки повесить. Тапочки под вешалкой. У нас почти всё готово. Как дорога? Устали, небось? Ах, я так рада вас видеть! Здорово, что вы смогли к нам выбраться. Ну, как тебе, Эд? Уютнее стало с прошлого раза? Мы уже три машины хлама вывезли, а его всё равно меньше не становится, – тараторила Зоя.

– Всего за два часа добрались. Я думал, дольше будет, но ничего, дороги почистили. А вы окончательно что ли перебрались из города? И, кстати, где Глеб? – Эд повертел головой.

– Он на чердаке, сейчас должен спуститься. У нас очередная дыра в крыше. Задует сильно, да и снег сыплется. Надо заткнуть, а то с потолка потечёт к утру, – отозвалась Зоя.

Лера огляделась вокруг. Из кухни вели несколько дверей, видимо, в жилые комнаты. К печке была приставлена лестница, а на потолке открыт люк.

– Пойду-ка помогу Глебу, а то, глядишь, до ночи там просидит, – сказал Эд и направился к лестнице.

– Отлично, а мы пойдём посмотрим, что там с мясом. Да, Лера? Прогуляешься со мной? Вон, в углу валенки стоят. Влезай в них, а то сапоги промочишь, – предложила Зоя.

На улице было приятнее, чем в сыром старом доме, поэтому Лера с радостью согласилась. Зоя показалась ей довольно интересной, хотя немного смущала её внешность – слишком идеальной она была: голубые миндалевидные, кошачьи глаза, тонкий носик, полные губы, будто прозрачная кожа и стройная фигурка, как у фарфоровой статуэтки! Зоя, казалось, не замечала, какое впечатление производит на людей, и не очень этим интересовалась. Но всё же, несмотря на то что свитер на ней, видимо, пережил не одну суровую зиму, а джинсы местами были заляпаны, складывалось впечатление, что всё так и задумано, чтобы выглядеть стильно. Лера невольно пригладила свои короткие русые волосы и потянула вниз кофту, которая всегда неудачно сбивалась вверх и доставляла неудобства.

Зоя ловко впрыгнула в валенки, накинула на плечи старый тулуп и направилась во двор, прихватив вилку и маленький пластиковый тазик без одной ручки.

– Вы давно здесь живёте? – спросила Лера, чтобы как-то сгладить неловкость от молчания, которое повисло в воздухе, пока Зоя снимала с шампуров мясо.

– О, мы переехали сюда летом! Видела бы ты глаза Глеба, когда я сказала, что буду жить только здесь, – звонко рассмеялась Зоя.

Она даже смеялась, как в рекламе, чуть запрокидывая голову вверх и обнажая белоснежные зубы.

– Это дом моего дедушки, – продолжила она. – Я очень любила бывать здесь в детстве. Когда Глеб заявил, что хочет уехать в свой дом, решила: если и перебираться из съёмной квартиры, то только сюда. Конечно, работы ещё море, но на то он и мужчина. В последние годы дедушка болел и ему было не до хозяйства, поэтому старенький дом совсем поник. Знаешь, недалеко есть чудесный пруд! Вам надо обязательно приехать к нам летом – зимой здесь совсем не то.

– Да, знаю – Хлыново, – отозвалась Лера.

– Ого! Ты бывала здесь раньше, если знаешь, как пруд называется?! – идеальные брови Зои взлетели вверх.

– Я родилась недалеко, в городе, который за полем, – Лера махнула рукой в направлении дома.

– Вот мир тесен! Надо же было встретиться с человеком, который тебя привезёт домой! А как вы познакомились с Эдом? – Видно было, что Зое это очень любопытно.

– К нам в общежитие пришли ребята праздновать Новый год, так и познакомились, – пожала плечами Лера.

Ей и самой всё это было непонятно. Несмотря на то что в техникуме последний курс, она так и не обзавелась ни друзьями, ни парнем. Может, оттого что сторонилась компаний, боялась стусеваться, стеснялась своей внешности, или оттого, что не спешила доверять людям. В компании её приглашали только потому, что соседка по комнате Танька постоянно ходила на тусовки, и нередко отсыпаться после них все приходили в её комнату. Эд за один вечер вскружил ей голову. Да так, что она чуть не провалила последние экзамены в январе. Преподаватели качали головами и ставили хорошие отметки только потому, что всё это время она прилежно училась. «Зачётка работает на тебя!» – повторяли все как один, но Лере было всё равно. Даже то, что впереди госэкзамены и диплом, который уже следовало бы начать писать. Все дни Эд и Лера проводили за разговорами, на прогулках по снежному парку, в ресторанчиках или «киношках». Лера была счастлива как никогда в жизни.

– А на кого учишься? – продолжила свой «допрос» Зоя, но Лера не успела ответить, потому что на пороге дома появились оба молодых человека.

– О чём сплетничаете? – с улыбкой спросил Глеб. Он был противоположностью Зои: волосы цвета воронова крыла, смуглая кожа и узкие глаза. Если ему надеть доспехи и дать коня, вполне сошёл бы за воина Чингисхана.

– Тебе всё расскажи! – пошутила Зоя и кокетливо показала ему язык. Оба рассмеялись. Глеб стал помогать насаживать новую партию шашлыка, а Эд подошёл к Лере:

– Всё хорошо? – уже в который раз за день он задал этот вопрос. – Теперь-то ты не нервничаешь?

– Знаешь, – шёпотом ответила Лера, – такое странное ощущение, будто я здесь чужая. Как будто идут съёмки сериала, а я случайно попала на площадку.

– Что ты такое говоришь! Ты со мной! Глеб и Зоя – милые ребята, вот увидишь! – Эд приобнял Леру за плечи, и она немного успокоилась. – Если тебе здесь не понравится, мы сразу уедем, договорились?

– Ты давно с ними знаком? – снова шёпотом спросила Лера.

– С Глебом очень давно, мы с ним... ммм... работали вместе, – замялся Эд, – а с Зоей – меньше года, они недавно стали парой.

– Пошли в дом, голубки, – прервал их разговор Глеб, и все вместе отправились за стол.

День пролетел незаметно. Ребята оказались открытыми и приветливыми людьми. Они обсуждали всё на свете, делились воспоминаниями и смешными историями.

За окном быстро темнело. Ночь выдалась ясная и звёздная. Лера уже собиралась сказать, что неплохо было бы поспать, как зазвонил Зоин телефон. Она не глядя дотянулась до аппарата и нажала кнопку сброса.

Глеб нахмурился:

– Это кто?

– Не знаю, я не посмотрела, – спокойно ответила девушка.

– А ты посмотри, – Глеб был настойчив.

– Ладно, если тебе так важно, – Зоя взяла телефон в руки. – Это коллега, наверное, опять перепутал время. Он сейчас в Бразилии, и у него там ещё день.

– Какого чёрта тебе звонят коллеги в выходные?! – Глеб начал «заводиться» не на шутку, и Лере стало очень неудобно:

– Пойду подышу, а то жарко, – промямлила она, но её никто не услышал.

Тихонько выскользнув из-за стола, надела валенки, накинула первый попавшийся тулуп с вешалки и вышла из дома. Крики в доме нарастали. Она слышала, как Эд пытается вмешаться.

– Ну вот, познакомились с друзьями, – пробубнила Лера себе под нос.

– Эй, дева, огоньку не подашь? – вдруг услышала она из-за забора.

Глаза ещё не привыкли к темноте, и разглядеть маячившую за забором фигуру незнакомца не удалось.

– Я не курю, – крикнула в ответ Лера.

– А ты в кармашке-то посмотри, а? – и девушка послушно полезла в карман.

– Да не в этом, в другом, – опять послышалось из-за забора.

Там, в другом, действительно, оказался старый спичечный коробок. Потоптавшись на пороге, Лера подумала: «Ворота закрыты, значит, надо подойти, передать через прутья, а потом сразу назад».

Боязливо приблизившись, девушка всё-таки разглядела за забором: старенький сухой дедок с пушистой белой бородой и косматыми бровями. Он переминался с ноги на ногу, будто сильно нервничал. Вокруг дедушки мерцал фиолетовый ореол, а сам он будто был прозрач-

ный. Лера тряхнула головой протянула руку с коробком сквозь прутья: «Это всё от нервов, привидится же такое».

Глаза деда недобро сверкнули, и вместо коробка он схватил её за запястье и пронзительный холод обжёг кожу:

– Бери Зойку и бегите отсюда! Прямо до трассы. Там вас будет ждать Валерка, – хриплым голосом, совсем не подходящим его хрупкой фигуре, будто прокаркал дед.

Лера в ужасе пыталась вырваться. Она не могла отвести взгляд от синей распухшей руки, которая сжимала её запястье. Чёрные обломанные ногти впивались в кожу:

– Отпустите меня немедленно! Вы что? Пустите! Никуда я не пойду!

– Пойдёшь, дура, иначе до утра не доживёте – ни ты, ни Зойка! – голос деда хрипел ещё сильнее.

В нос вдруг ударил сладковатый запах, очень знакомый, но Лера не могла вспомнить, откуда это ощущение.

– Я закричу! Пустите! Там мой парень! Он сейчас придёт!

В ответ послышался странный каркающий смех:

– А много ты знаешь про эту Пиявку? Откуда он родом? Кто его родители? Он хоть что-нибудь тебе про себя сказал?

«О ком это он?» – Лера была сбита с толку.

Но здесь же её обожгла немыслимая догадка: «Эд!»

Несмотря на безумность ситуации, Лера вдруг поняла, что она и вправду ничего не знает про Эда... И тут из доме донёсся сильный грохот – по-видимому, что-то разбилось.

– Скажешь Зойке, что Румпельштильцхен в доме! Запомнила? Хоть на это-то ты сгодишься?! – услышала она хрип над самым ухом и почувствовала, как хватка на запястье ослабла.

– Лера? Ты с кем там говоришь? – на пороге возник Эд. Его фигура в дверном проёме, облитая светом от лампочки в снях, показалась Лере чужой и зловещей.

Девушка смотрела на него и как будто впервые видела. Совсем другой человек! Что это с ним? Знакомые, привычные черты лица казались заострёнными и более резкими.

– Да, там за забором мужик какой-то, спички попросил, я и дала...

Эд не успел ничего сказать, как в доме снова послышался грохот, но вскоре и грохот, и ругань стихли. Теперь в ушах у Леры звенела тишина, а внутри всё сжалось от страха.

Проскользнув мимо Эда, она прошла в кухню: еда разбросана по полу, повсюду осколки разбитой посуды. На полу сидит Зоя, держась за лицо и странно раскачиваясь.

– Зоя, Зоя! Что ты? Тебе плохо? Пойдём, подышим воздухом! – Лера потрясла девушку за плечо, и та подняла к ней лицо. Под глазом набирал цвет фиолетовый синяк. Взгляд был пустым.

– Никуда вы не пойдёте, ясно? – выкрикнул Глеб. Лера заметила, как он взял со стола нож, которым они разрезали мясо для шашлыка. Юноша тяжело дышал. И без того острые черты лица сейчас делали его похожим на хищную птицу.

В ушах у Леры послышался уже знакомый хриплый голос: «До утра не доживёте! Не доживёте! Ври и беги!»

– Эд, ну, скажи ему, – будто капризная, надула губы Лера, – мы выйдем на порожек, немного постоим. Зоя остынет, и вернёмся! Ну, ведь так хорошо сидели!

На самом деле её коленки дрожали, а сердце бешено стучало. Она понятия не имела, как заставить бежать сидевшую в оцепенении Зою.

– Ну, пойдём, постоишь и вернёшься, что вы в самом деле? Я приехала познакомиться, а вы разборки устроили, – сделала ещё одну попытку Лера.

– Глеб, ну в самом деле, пусть девочки постоят. Мы бы ещё посидели, а? – вступился Эд. На это и рассчитывала Лера.

– Пять минут и назад, – злобно бросил Глеб, но нож на место не положил.

– Зоя, пошли! Снегом тебя умою – сразу полегчает. Ты перебрала, видимо, – продолжила свою игру Лера в надежде, что парни как можно дольше будут в неведении.

Она кое-как помогла Зое подняться и почти волоком потащила её на улицу, не забыв накинуть на девушку первую попавшуюся куртку с вешалки. Сама же осталась, как была, в старом тулупе. Сапоги свои надевать было рискованно, пришлось идти в валенках.

На улице Зоя немного пришла в себя и тут же разрыдалась:

– Я не понимаю, он такой волшебный был, такой замечательный! Думала, принца встретила, а он! Сначала – «не гуляй», потом – «не работай», «маме не звони», а теперь вон как...

– Зоя! Нам надо бежать! Утром во всём разберёмся. Быстрее, быстрее, – подгоняла девушку Лера, словно нутром чуяла, что дед был прав и оставаться здесь совсем небезопасно.

– Куда? Ты с ума сошла? Ночь на дворе! Мы к утру в сугробе замёрзнем! – Зоя аж пришла в себя от неожиданного предложения новой знакомой.

– Тебе что-нибудь говорит фраза: «Румпельштильцхен в доме?» – Лера решила попробовать идти до конца. Было слышно, как Глеб с Эдом переговариваются в комнате на повышенных тонах, значит, уже скоро они выйдут за ними.

– Ты... Откуда ты... Нет, ты не можешь! Тебе неоткуда..., – заикалась Зоя. Её глаза стали похожи на блюдца!

– Бежим! Шевелись! – пока Зоя не опомнилась, Лера дёрнула её за руку, и та, наконец, послушно последовала за ней.

Как только за девушками захлопнулась калитка, Лера приняла командование на себя:

– Нам нужно срочно добраться до трассы! Есть какая-нибудь тропинка, по которой машина не проедет?

– Ммм, думаю да, но нам нужно ещё домов десять пробежать вон туда, – Зоя махнула рукой в сторону единственного на улице фонаря.

Слишком заметно, их точно поймают быстрее, чем они скроются! Лера обернулась на ворота: может припереть их чем-то? И тут она заметила сбоку от забора тёмный силуэт. Глаза блеснули из-под косматых бровей, и она поняла: сейчас или никогда.

– Бежим! – сдавленно крикнула она. И хотя их ковыляние в валенках по щебёнке только с натяжкой можно было назвать «бегом». Когда до заветного поворота оставалось несколько домов, до ушей Леры донёсся истошный крик Эда:

– Глеб, твою мать, калитку заклинило! Ни туда ни сюда, тащи что-нибудь, надо ломать!

«Спасибо, дед!» – сказала про себя Лера.

«А может, не такая уж ты и дура!», – донеслось в ответ – в этом Лера могла поклясться!

Как только они оказались за спасительным поворотом, девушки перешли на шаг.

– Фух, а теперь рассказывай всё! – тяжело дыша, потребовала Зоя.

– Да мужик у меня на улице спички попросил, косматый такой – ему бы Деда Мороза играть. Ну, я их ему и дала – они в кармане тулупа были. Я даже удивилась: он знал, в каком они кармане! А потом он мне и говорит: «Бегите отсюда, не то до утра не доживёте!», и вообще, страху на меня нагнал. А тут Глеб, ты и вот это всё, – рассказ Леры от волнения был сбивчивый.

Она оглянулась на Зою, боясь, что та её поднимет на смех, но увидела на щеках девушки слёзы:

– Знаешь, он мне снился недавно. Выгони, говорит, пиявку из моего дома. А я, дура, думала, что он ругается – не хочет, чтобы я в его доме жила. Даже вещи на место пыталась вернуть, чтоб не злился на меня. Вот и тулуп его, в котором ты сейчас, на любимый крючок повесила. Знаешь, у него жена была вторая, ну, неродная мне бабушка. Маленького роста, жадная, визгливая. Не знаю, что он в ней нашёл. Бабка эта не любила меня страшно. Постоянно пыталась меня оговорить: то молоко я пролила, то ведро потеряла, а дед смеялся всегда. Он

только мне верил. Нахмурится так нарочно и говорит мне: «Ух, как накажу тебя, ух, как уши надеру!» Бабка довольная уходит, а дед давай меня щекотать, и сам хохочет.

А когда она из города с базара возвращалась, дедушка всегда кричал: «Румпельштильцхен идёт! Вот он уже в доме!»

Ну, помнишь, карлик злой из сказки. Я так себе и представляла, что бабка – злой карлик, который дедушку заколдовал, и поэтому он в неё влюбился. Я даже целую тетрадку завела, записывала все рецепты, как снять с него любовные чары. Когда ты про деда рассказала, всё стало понятно. Вот так и я: влюбилась и не вижу, что себя уже почти потеряла...

Тем временем улица кончилась, дорожка сузилась и уперлась в пролесок.

– Здесь сторож с собакой гуляет, тропинка до самой трассы по лесу идёт, – Зоя указала рукой в сторону дороги.

Конечно, идти ночью туда было боязно и даже опасно, но «картина» Глеба с ножом навредила ещё больший ужас.

– Зоя, прости, ты считаешь, что я с твоим дедушкой говорила? – осторожно уточнила Лера, когда они немного углубились в лес.

– Конечно! Про Румпельштильцхена мог знать только он. Ну, и в каком кармане у него спички – тоже, – в голосе Зои не было ни капли сомнения.

– Но... Он умер. Его же нет, – Лера не знала, как подобрать слова, чтобы не обидеть девушку.

– Думаю, Лера, наш мир не такой, каким кажется. Уверена, что это был он! Вообще, уже сотни свидетельств имеются, когда умершие приходили и помогали близким в опасной ситуации, – уверенно сказала Зоя.

– Кстати, – продолжила она, – а зачем нам на трассу? Машину ловить? У меня денег с собой нет. Да и выглядим мы так, что нас за бомжих примут, – рассмеялась она.

«Удивительная девушка, – подумала Лера. – Её чуть не убил любимый человек, а она смеётся».

– Твой... Тот... Дедушка сказал, что на трассе нас будет ждать какой-то Валера. Ты знаешь, о ком идёт речь? – спросила она Зою.

– Понятия не имею, – пожалала плечами та, – но, если он так сказал, то нас там обязательно ждут. Поспешим!

Последние десятки метров пришлось преодолевать без тропинки. Снег заваливался в валенки, девушки уже порядком замёрзли. Но вот и трасса. Они поворачивались то в одну, то в другую сторону, вглядываясь в темноту, но дорога была абсолютно пуста. Уже, наверное, часа три ночи. Холод, и ни одной машины...

– Обязательно приедет! – весело и уверенно заявила Зоя.

– Откуда в тебе столько позитива? – не удержалась Лера.

– Ты просто не знала моего дедушку. Он всегда держал слово! – бодро ответила девушка.

И действительно, вдалеке показались фары грузовичка, но ехал он как-то странно, будто то и дело попадая в яму. «Доковыляв» до девушек, остановился на противоположной стороне дороги. Мужчина за рулём махнул им рукой, как бы подзывая.

«Хорошо, что поедем ближе к городу», – пронеслось в голове у Леры.

Девушки перебежали трассу и залезли в кабину.

– Валера? – уточнила Лера.

Мужчина был в кепке и замотан шарфом по самые глаза, руки в перчатках, сальные волосы падали прямо на лицо. В кабине невыносимо холодно, видимо, не работала печка. Не удивительно, что шофёр так укутался...

Вместо ответа он тронул с места, и грузовичок неспешно покатылся дальше.

Ехали в звенящей тишине. У Леры не хватало духу начать разговор с этим странным водителем. Минут через пять он поднял руку, положил её на голову Зою, которая сидела ближе, а потом показал пальцем в ноги.

– Понятно! Лер, наклоняемся! – Зоя дёрнула подругу.

– Зачем ещё? – не поняла девушка.

– Не знаю, может, ГАИ, а ему пассажиров возить нельзя.

Лера едва успела нырнуть вниз, когда увидела машину Эда, обгонявшую неспешно ковыляющий грузовик.

– Зой, они нас ищут! Я видела Эда, – она прошептала, будто их могли там услышать.

Зоя чуть вынырнула и тут же спряталась:

– Точно, это они. Как только уедут вперёд, мы будем спасены!

На этих словах грузовичок начал заметно притормаживать, колыхаясь и звеня, пока не остановился окончательно. Девушки были готовы выбраться наверх.

– Мы сломались? – как можно вежливее спросила Лера.

Шофёр протянул руку и показал пальцем на противоположную сторону дороги. За ней угадывались очертания... кладбища. Сегодня Лера уже была там, и вот снова оно – теперь за окном машины...

– В смысле? Вы хотите нас высадить на кладбище?! Серьёзно?! – не удержавшись, выкрикнула Лера.

Мужчина ещё раз ткнул пальцем в стекло и замотал головой. От его движений шарф начал сползать вниз, и Лера с трудом подавила рвотный позыв. Под шарфом не было кожи! Челюсть с торчащим гнилым мясом покачивалась на тоненькой белой ниточке. Водитель развернул голову в сторону девушек, и челюсть отвалилась, глухо стукнув Зою по затылку. За ней следом повис на отвратительной коричневой верёвке глаз. Под курткой водителя тоже что-то происходило: фигура оседала всё ниже, будто кости теряли прочность. Пахло сладкой гнилью. Лера нащупала ручку двери и вывалилась из машины прямо в снег. За ней следом выпрыгнула Зоя. Руками она пыталась стряхнуть что-то невидимое с головы, как будто челюсть ещё была там.

Лера хватала воздух ртом и изо всех сил старалась держаться, чтобы не упасть в обморок. Но эмоции взяли верх, и в тишине морозной ночи по округе разлетелся пронзительный крик. Девушка даже не думала что умеет так кричать. Зоя рукой закрыла ей рот, но сидевшие в машине Эд и Глеб, наверняка, могли услышать вопль Леры. Так и есть! Машина, обогнавшая всего на чуть-чуть их грузовичок, остановилась на обочине, а потом начала медленно разворачиваться.

– Бежим! – крикнула Зоя и потащила подругу через дорогу в сторону кладбища.

Ноги заплетались, тело бил озноб: перед Лерой стояла ужасная картина болтающегося глаза.

А парни в машине уже заметили девушек. Чтобы до них добраться, нужно не больше минуты. Неужели всё безнадежно?

За спиной послышался глухой стук и звон разбитого стекла. Лера обернулась: грузовик сполз с обочины и врезался в дерево. Теперь он выглядел так, будто торчал здесь лет пятнадцать. А может, и торчал? Лера сейчас готова была поклясться, что, проезжая здесь ещё в детстве, она видела разбитый грузовик и даже помнила, как мать осуждающе качала головой и говорила:

– Столько лет убрать не могут, а ведь человек здесь погиб. Ни стыда ни совести!

Машина преследователей остановилась совсем близко. До ограды кладбища оставались считанные метры:

– Девочки, а мы уже думали, что вас украли – вот поехали спасать! Вы куда собрались? – крикнул им в спину Эд.

– Зоюшка, ты чего? Ну, повздорили, прости! Я не хотел, чтобы так вышло. Поехали домой, – слова Глеба звучали странно ласково.

Лера остановилась и подумала: «Действительно, что это со мной? Эда я знаю, он хороший, надёжный, ласковый – мы любим друг друга. Ну, поссорились Зоя и Глеб, а я-то что? Поверила какому-то старику за забором? Может, он из «дурки» сбежал, и его друг-паралитик с ним в сговоре. Заманят нас на кладбище, там ограбят и прикопают».

Зоя тоже остановилась и медленно развернулась к Глебу...

На бархате ночного бескрайнего неба светились звёзды. Луна окрашивала мир мягким серебром. Ничего лучше нет, чем в такую ночь брести за руку с любимым и грезить о счастье. Лера уже почти наяву видела их маленький кирпичный домик, троих ребят, играющих на лужайке с огромным добродушным псом, чувствовала запах камина и ощущала под пальцами пушистый и нежный ворс ковра, о котором мечтала... Шаг. Снег заскрипел под валенком. А голос глубоко внутри шепнул: «Сделай шаг навстречу».

– Мой любимый защитит меня! – сказала Лера и уверенно шагнула навстречу Эду. Краем глаза она видела, как Зоя тоже идёт к Глебу.

И вдруг:

– Эй, девчонки! Как хорошо, что я вас тут увидела! Ох, как вовремя! А я всё – «Боженька помоги», молилась душу живую встретить! Помогите, бабушке! Без вас не справлюсь! – послышалось из-за забора.

Лера обернулась: за низенькой оградой кладбища стояла маленькая сухонькая старушка в кружевной шали и с веником. Та самая «сумасшедшая», которую она встретила утром. Наверное, старушка заплутала и весь день бродила в поисках выхода. Уже ночь, она так и замерзнет насмерть! Надо её взять с собой в машину.

– Эд, подожди! Это же та бабуля, которую я утром видела, надо её домой довезти! – крикнула Лера и развернулась к Зое:

– Зой, пойдём! Я одна через ограду её не перетащу. Ребята, идите сюда. Помогите!

– Лера, да брось её! Она сумасшедшая! Может, у неё ножик там припрятан, не подходи к ней! – закричал Эд.

– Зоя, не смей, я запрещаю! Слышишь меня?! – вторил ему Глеб.

Но Лера не слушала. Она взяла Зою за руку и потащила к ограде. Та шла очень странно, как на шарнирах, глядя перед собой словно стеклянными глазами.

Добравшись до ограды, Лера перебралась через невысокий забор и дёрнула за собой подругу.

– Давай сюда! Мы сзади бабулю подтолкнём, а ребята с той стороны подхватят.

Зоя послушно перелезла через забор.

Глеб и Эд, переговариваясь, стояли возле машины и не спешили подходить к ограде.

Как только девушки оказались за забором, бабуля развернулась и хлестнула веником по лицу Лере, а потом и Зое. Прутья больно обожгли кожу.

– Вот дуры! Ладно эта Кукла, а ты чавой? На морок повелась! – прошипела старушка и снова занесла веник для удара.

Лера второй раз за день будто вынырнула из сна:

«Какой дом? Какие дети? О чём я? Глеб с ножом пытался напасть на Зою! А Эд стоял и смотрел – ведь явно не в первый раз видел такое!»

Поймав веник, который почти долетел до лица, она ответила:

– Всё, всё, поняла! Точнее, ничего не поняла... Вы заблудились? Пойдёмте, мы вам поможем.

Она посмотрела в сторону машины, и почему-то ей жутко не захотелось туда идти. Она окончательно запуталась. Кому верить? Что это за ужасы, которые происходят с ней? Почему

они именно с ней происходят? Что всё это значит? Она готова была разреветься. Хотелось домой, залезть с головой под одеяло...

– Ну вот, теперь сопли размазывает! Ну, что за девки пошли? – пробурчала старуха.

– Лера? Кто это? Что происходит? Что мы тут делаем? – очнулась Зоя.

– Я не знаю, – всхлипывая ответила Лера, – я запуталась...

– Зоя, ты чего там стоишь? Берите свою бабу, раз уж так хочется. Уже утро скоро, поехали домой! – прокричал с той стороны Глеб.

– Ну всё, приплыли! Сейчас вас Пиявка схарчит и последняя, кто нас слышит, окажется по эту сторону погоста. Ну, хоть накалякаемся вволю, впереди ж вечность, чего спешить? – ёрничала бабка, сердито встряхивая своим веником.

Леру затрясло от злости:

– О чём вы? Какая пиявка?! Вы что, сговорились? У вас тут ОПГ престарелое что ли? Целый день про эту пиявку мне талдычат! Тошно уже! Я ничего не понимаю!

– А ты чагось, не видишь, что ли? – удивлённо отозвалась старуха.

– Что я видеть должна? Ну, что? – злилась Лера.

– А ты посмотри на женишка-то своего, да повнимательнее! – уже не так сердито ответила бабуля.

Лера таращилась на Эда изо всех сил, тем более, что его было хорошо видно в свете фар.

– Да не на него смотри, а сквозь него! Как на стеклянного смотри, – увидев тщетные попытки девушки, наставляла старуха. – Ага, голову чуть ниже, исподлобья смотри. Ага. Ну, примерно так.

Внезапно Лера вздрогнула и отступила назад, воткнувшись в Зою так, что та ойкнула.

– Там на спине что-то чёрное, извивается, большое такое! Нет, это глюки. Глюки! – у Леры колотилось сердце. Она попробовала ещё раз, и снова то же самое. – Это что, фокус такой?

– Ага. Цирковое представление от бабы Стеши! Заняться мне вот нечем – цирк под луной тебе рядить, – огрызнулась старушка, – итак на ваше приключение со всего погоста Силой скидывались! Впервые за сто лет оправили за ограду покойников! А я тут стою, вас развлекаю. Если б ты не была последняя из своего рода, бросила бы тебя этим кровососам и дело с концом!

– В смысле – последняя из своего рода? – вмешалась Зоя. – Типа она избранная? Как в комиксах?

– Х... , ответила б тебе в рифму, да тока не хочу в святом месте ругаться, – старушка завела за спину руку и начала медленно объяснять тоном школьной учительницы:

– Когда на погосте много неспящих, значит, нестабильная ситуация в районе. Погост Силу набирает и просит соседей помочь. Они своему Старосте поручают научить того, кого выберем. Ихний берёт Силу и даёт нашему. То бишь, вкладывает. Как бусы в шкатулку. Наш, уже обученный, приезжает и успокаивает всех, кто на это дело скидывался. Потом новеньким помогать начинает. И снова тишь да благодать, только новопреставленных подвозят. Но с папкой твоим, девонька, ерунда вышла. То ли они там напортачили, то ли Глафирка – бабка его, дура, всполошила всех раньше времени, только Староста Силу-то дал, а чего с ней делать, сказать не успел. Но что есть, то есть: до следующего на погосте Силы ещё лет двадцать не наберётся. А после ваших приключений – пол века разгребать будем. Твой брат должен был следующим стать, но его быстро нашли да упокоили. А Сила, она ж по роду передается. Вот и осталась только ты. Ну, пока детей своих не родишь. Если не прибьют тебя раньше, конечно.

– А кто такие те, что отца Леры нашли? Вот эти, кого вы «Пиявками» назвали? – Зою, похоже, вообще не смущала полная абсурдность происходящего.

– Эта шелупонь, так, на зубок один, – отмахнулась баба Стеша, – тут посерьёзнее гады водятся. Эх, время, что за время. С этой вашей «демонократией» даже расстреливать перестали, никакой управы не осталось!

– Демократией, – автоматически поправила Лера.  
– Да, всё одно, – отмахнулась бабуля.  
– Так, давайте на секунду представим, что всё это правда. Вы... Мёртвая? – замялась Лера, а бабуля энергично закивала.

– Я... случайно выбранная типа? – продолжила Лера, и бабушка снова закивала.  
– Значит, я могу поговорить с братом и папой? – закончила девушка свою мысль.  
– Не, они усопли уже, – спокойно ответила баба Стеша.  
– Это как? – не поняла девушка.  
– Пошли, – бабуля махнула в глубину кладбища, – покажу.

Девушки обернулись к машине, рядом с которой стояли Эд и Глеб. Странно, что они не пытались подойти, да и вид у них был такой, будто они понимали всё, что происходит...

– Не бойсь, эти сюда не залезут! Погост быстро их выпьет, рожки да ножки останутся, – угадав мысли девушек, бросила через плечо баба Стеша, – сейчас к Любаше зайдём. Она жертва такой Пиявки, вот всё вам про них и расскажет.

Лера с Зоей переглянулись и пошли следом за старушкой, тем более, что выбора особого не было.

Идти пришлось недолго. Как только они вышли на центральную тропу, перед ними открылся вид на поле, где кладбище продолжало разрастаться.

– Смотри так, как будто Пиявку увидеть хочешь, – скомандовала бабуля.  
– Некоторые могилы выглядят как обычные, а некоторые затянуты фиолетовой дымкой, – медленно произнесла Лера.

– Во, пустые, – это там, где спят уже, усопли, значит. Посмотри вверх, – продолжала наставлять старушка.

– Вижу искорку фиолетовую, нет, даже две, яркие такие! – улыбнулась девушка.

– Это когда усоп кто-то, весь туман собирается и уходит вверх. Ясно тебе? Сорок дней почти все тут бродят. Пока подумают, пока осознают, поплачут там, попрошаются, потом успокаиваются и усыпают. Остаётся пустая земля. Если к ним родные приходят и зовут – светится слабым светом холмик. Наверное, они слышат откуда-то оттуда, но уже не отвечают. Так и должно быть. Со всеми. А есть такие, кто не может усопнуть. Тревожатся за близких или отомстить хотят, или не смиряются никак. Вот такие и бродят тут. Твои папа и брат сразу усопли. Так что с ними не сможешь поговорить.

– Бабуль, а ты, получается, тоже тревожишься, раз усопнуть не можешь? – спросила Зоя.

– Я? Не! Я заведующая тут! – гордо ответила баба Стеша.

– Это тебя Бог назначил? – округлила глаза Зоя.

– Тьфу на тебя, Кукла! Сама я себя назначила! Кто-то же должен таких дурилок, как вы, спасать. Да и с новенькими мороки хватает. Вот я им талдычу постоянно: идите к себе на похороны, к вам люди приходят, а вы тут у гроба сидите. Чего интересного? Надо людей уважить, послушать, чего про вас говорят. Насмотритесь на себя ещё, налюбуетесь! И потом, надо ж ещё глянуть, мож, кого с собой забрать. Мы ж видим, кому на доньшке жить осталось. Подгадать надо, чтоб у человека три дня, а у тебя девять. Экономия же сплошная, да и потом, меньше мучиться будет. А то лягут перед смертью бревном и глаза в потолок лупят, а родственникам за ними ж...ы вытирай. А так, хоп, и готов покойничек! Но молодежь сейчас совсем ничего не смыслит. Давай мне про карму чего-то вещать, про путь, который надо пройти. А чего его проходить: бревно лежит, а родным – потей.

– А я почему вижу тебя? Я тоже избранная? – перебила Зоя.

– Ты? Не, просто помрёшь скоро, вот и видишь меня. Готовишься, так сказать. Такое бывает при смерти, – легко ответила бабушка.

Зоя опешила. Она открывала и закрывала рот, но сказать ничего не могла.

– Почему умрёт? Что-то случится? – встряла в беседу Лера.

– Пиявка дозреет, тут и дело с концом. Вон яйцо в неё отложила, а коли отложила, то дело на дни пошло. Уже и не обязательно приманивать её. Им главное – труп найти потом, чтоб яйцо достать и кому-нибудь опять подсадить. Так они и размножаются, – будничным тоном пояснила старуха.

Лера стала пристально смотреть на Зою, как наказала баба Стеша, и заметила между ключицами девушки прозрачный кокон, похожий на яйцо, а внутри – извивающуюся черноту.

Повинуясь внезапно накатившему порыву, она протянула руку и коснулась груди Зои. Это билось совсем рядом. Не хватало немного, чтобы достать.

– Ты что творишь, девка! – спохватилась баба Стеша.

Но Леру уже было не остановить. Изо всех сил она потянулась дальше, в глубь грудной клетки. Её рука оставалась на поверхности груди, как снятая перчатка, а другая рука, фиолетовая и прозрачная, прошла глубже, захватив пульсирующий кокон. Он извивался и дрожал под пальцами, пытаясь прорвать хрупкую оболочку. Выдохнув, Лера дёрнула его на себя, ощутив, как прозрачно-фиолетовая рука снова обрела плоть.

– Бросай! Бросай скорее, – закричала баба Стеша.

Не успев толком его разглядеть, Лера бросила кокон, а тот, вспыхнув, разлетелся на тысячу осколков, которые мгновенно впитала земля.

– Новичкам везёт! – нарушила тишину непробиваемая бабуля.

Зоя стояла бледная, схватившись за горло. Через пару судорожных вдохов она упала на колени – её вырвало прямо под ноги спутницам.

– Что теперь будет? – опомнилась Лера, оглядывая свои руки, которые выглядели теперь совершенно обычно.

– Ну, либо всё-таки помрёт, либо поболееет, накопит Силы и выкарабкается, – пожала плечами старушка.

– А что за Сила такая? – Зоя, наконец, оправилась и встала на ноги, но выглядела она очень плохо.

– А вот это великая загадка не только для здешних. Когда живой, то как? Поспал, поел, повалился, и Сила появилась. Откуда она появилась? Если б от еды и сна, то ленивые – самые живучие да активные из всех были. Значит, из другого места берётся. А там уж кто во что горазд, – баба Стеша снова заложила руку за спину, словно начала вести урок, и неспешно двинулась в сторону ворот кладбища. – Кто-то, значит, думает, что Сила от добрых дел, кто – от детей, мол, им много даётся и они делиться могут, иные же говорят, что от трав и настоек там всяких...

Привезли к нам одну «гуттаперчевую», так она говорила, что надо встать как собака: морду вниз, пятую точку вверх. Через эту самую точку Сила-то и идёт. Ну мы и встали всем погостом, да только ворона одна со смеху подохла, вот и весь сказ. Нам, мёртвым-то, понятно, откуда Сила – от живых. Они приходят, угощение приносят и вместе с ним Силу оставляют. Нам хватает. Или новеньких привозят – вокруг них много Силы вьется, ещё с живых времён. А коли никто приходить не будет, сядем все, да мочи не будет и рукой двинуть. И заснуть не заснешь, и сделать ничего не сможешь. Вот где страх-то! Отсюда и нелюди всякие берутся. Жажда Силы гонит их в города, за добычей. Так вот Пиявки и появились: высушат девку-другую до дна и живут себе припеваючи. Молоды, бодры, здоровы. Да только это палка о двух концах. Не клюнет на них девка – так помрут они. Вот и прибегают ко всяким хитростям: мысли читают, угождают, заботой окружают, а когда жертва волю теряет и Силы у неё на доньшке, – бить и тиранить начинают. У человека со страху Сила невесть откуда прибавляется. Так и живут. Бьют и милуют, пока не помрёт. От друзей, родителей отваживают, чтоб вся Сила только им шла: человек-то с человеком тоже делится...

Так они дошли почти до ворот, свернули на боковую дорожку и через несколько оградок повернули на какую-то могилку.

– Любаша, я с гостями, – позвала бабушка.

Сиреневый туман вокруг могильного холма приподнялся и постепенно принял очертания болезненно-хрупкой женщины с бледным, словно фарфоровым, лицом.

– Здравствуй, баба Стеша, – гулко и безжизненно прозвучал голос Любаша.

– Вот на экскурсию привела двух подружек – увела у Пиявок, – кивнула бабуля в сторону девушек, которые скромно переминались с ноги на ногу у входа в ограду. – Ты бы им поведала свою историю...

Любаша внезапно расплакалась, и сквозь всхлипы девушки различили:

– Я ж его так любила, так обхаживала! Работу бросила, дочку ему родила, всегда всё свежее да горячее. В ногах ползала: не нравится подружки мои? Брошу!

Я стихи писала – ездила, выступала. Он мне: глупость твои стихи, на них хлеб с маслом не купишь. И их бросила. Потом бить меня начал. Первый раз почтальон пришёл, письмо принёс. А он в окно глянул и говорит: «Ага, мужик к тебе приходил, любовник твой, небось!» И давай меня колотить. Синяки замазывала и за дочкой в сад. Куда б я пошла от него? Мы у его мамы жили, нам идти-то некуда было. Я ж из детдома – нету у меня ни угла, ни родины. Потом ему надоело меня бить, он за дочку взялся. Не стерпела я, хотя болела уже сильно, с кровати не вставала – «выпил» меня всю до дна. Я её защищать бросилась. Он окно открыл и выкинул меня. Всем сказал, что полезла стёкла мыть, голова и закружилась. А кто окна в октябре моет, в дожди-то? Но ему все поверили! Дочку жалко, он «пьёт» её, гад, когда бабу найти не может. Пьянчужек каких-то домой таскает, а они над моей Лизой там издеваются. Защитить её некому. Там бабуля одна, мамка его, и та лежит уже какой год, не встаёт. Ох, горе мне, горе. Не разглядела кровопийцу, теперь вот жду дочку. Убьёт её или тоже в окно выкинет. Встречу кровиночку свою, уложу на земельку мягонькую, укачаю и сама следом за ней уйду.

Любаша захлебнулась в рыданиях, и дальше ничего уже было не разобрать.

– Как от Пиявки-то этой избавиться? – задала Лера вопрос, который мучил её теперь...

– Старший сержант Грачёв! Граждане сатанисты, пройдёмте с нами! – в лицо Леры уткнулся луч фонаря.

За рыданиями Любаша они не заметили, как к кладбищу подъехала полицейская машина...

\*\*\*

– Итак, вы выехали из общежития, где проживаете, по адресу прописки гражданки Водопьяновой Валерии. Документов, телефонов не взяли, ключей нет. Выехали как есть: в валенках и тулупах. Передвижение осуществляли при помощи попутного транспорта, который, не довёз вас до города, а оставил возле трассы, напротив забора кладбища. Заблудившись на открытой местности, в нескольких метрах от освещённых ворот, вы остановились на могиле неизвестной вам женщины, где вас и застал патруль, вызванный сторожем кладбища. Я всё правильно понимаю?

Лера устало кивнула. Зоя, не стесняясь, спала на стуле. Под глазом чернел синяк. Кожа покрылась красноватыми пятнами. Девушку явно лихорадило.

– Лера! Девочка моя! – в кабинет ворвалась мама, впусив с улицы морозный воздух и ночную свежесть. Бросилась к полицейскому:

– Отпустите моих девочек! Бедняжки, натерпелись страху. Вы же меня знаете, Николай Степанович! Я вам как на духу говорю: заплутали девочки мои! Ох, теперь придётся мне их лечить – точно с простудой слягут, ночь-то морозная. Только молоко с мёдом и тёплые носки помогут!

– Римма, это что, твоя дочь? – глаза Николая Степановича на мгновение полностью показали из-за толстых щёк. – Вот это дела! Папку её я в своё время каждую неделю с кладбища

привозил, тянуло его туда, как намазано. Уже и сторож через раз нас вызывал – устал от него, ведь как на работу пёрся в ночь. И дочка теперь туда же! У вас сатанизм – это семейное, что ли? Генетическое? Или это психическое? Слушай, своди свою дочку к «мозгоправу». Добром эти путешествия не закончатся.

– Ну, что ты такое несёшь, Николай Степанович! Ну, заплутала девочка разок. Чего клеймо сразу ставить? А? – устыдила его мама.

– Ладно, забирай своих девчат, чтоб я больше их не видел, ясно? – смягчился полицейский.

Довольный своей щедростью, он поправил рубашку, которая норовила треснуть под натиском его необъятного живота, и уселся за бумаги.

Лера растолкала Зою, и они спешно покинули отдел полиции.

– Mam, привет, ты это... – девушка не знала, как подобрать слова, чтобы объяснить всё.

– Потом, дорогая, потом. Поехали домой, – мама кивнула в сторону такси.

Запах родного дома окутал с порога. Так тепло и уютно не было давно. Только сейчас Лера поняла, как сильно скучала.

– Раздеваться и в кровать. И тебе и..., – мама указала на Зою, которая еле стояла на ногах.

– Зоя, мам, -улыбнулась Лера.

Женщина в ответ кивнула, и девушка повела подругу в свою комнату:

– Ну, как ты?

– Я очень хочу спать. Очень! – Зоя, не раздеваясь, легла и уснула, едва коснулась подушки.

– Хорошо. Спи, набирайся сил, – Лера пожелала подруге доброй ночи, а сама взялась обдумывать то, что произошло.

Баба Стеша сказала, что, если Зоя не наберётся Силы, то умрёт. А что такое Сила? Наверное, это то фиолетовое марево, которое окружало могилы. Ведь ничего другого она не видела. Значит, скорее всего, так и есть. Свою руку, когда та вошла в тело Зои, она тоже видела фиолетовой. Значит, если она придумает, как взять у себя эту штуку и вложить Зое, у той появится Сила... Кажется, логично.

Хотя всё, случившееся этим днём, представлялось Лере бредом, она сказала себе: «Раз уж падать в безумие, то до конца!» Потом положила свою руку на ногу спящей Зои: «Так, теперь надо повторить тот трюк, когда моя рука провалилась».

На удивление, получилось очень легко. Зоя во сне застонала, но не проснулась.

«Интересно, это больно?» – подумала Лера. И тут же мысленно приказала себе: «Так, не отвлекаться! Неважно, больно или нет. Главное, жива будет. Теперь надо как-то приказать Силе из меня перетечь в неё».

Лера представляла, как фиолетовая дымка течёт из пальцев невидимой руки прямо внутрь Зои. Пожалуй, начинало получаться: рука немела, в ней покалывало, будто её отлежали. Но внезапно всё вокруг погрузилось во мглу...

Первое, что Лера почувствовала, – её трясёт. Нет, это не её трясёт, это кто-то её трясёт! В следующее мгновение она стала различать звуки и голос:

– Лер? Лера! Ты чего? Лера! Открой глаза!

Лера застонала, открыла глаза и уставилась на Зою, которая пыталась привести её в чувство. Поняла, что так и уснула, сидя на её кровати. Голова нестерпимо болела, подступала тошнота и крутило в животе.

– Ммм? – только и сумела выдавить она.

– Ох, и напугала ты меня! Я уж думала – померла! Открываю глаза, а ты лежишь у меня в ногах, бледная, аж восковая... Я тебя трясу, трясу, а ты молчишь!

Зоя же выглядела просто отлично. Глаза сияли, щёки налились здоровым румянцем, улыбка не сходила с лица. Даже синяк пропал.

– Знаешь, мне так хорошо! Я чувствую себя прекрасно. Уже давно я не ощущала в себе такой лёгкости. Мне кажется, если я сейчас подпрыгну, то достану до потолка! – искренне радовалась девушка.

– Угу, – промычала в ответ Лера.

– Так, постой! Баба Стеша вчера ведь сказала, что умирать должна я, а не ты. Вряд ли она ошиблась, – Зоя перевела взгляд на свою ногу: подобрав вверх штанину, увидела там синяк в форме ладони. – А я всё думаю, что у меня так ногу жжёт? погоди, дай догадаюсь: ты вчера решила, что я помираю, поэтому мне типа переливание сделала. Видимо, перелила всё, что у тебя было, поэтому я свежа, как майская роза, а ты похожа на престарелый финик. Проблема в том, что я не знаю, как это тебе вернуть, – Зоя задумалась и погрустнела.

– Посплю, поем и пройдёт, – отмахнулась Лера. С трудом поднявшись на ноги, она распахнула дверь комнаты и, пошатываясь, направилась на кухню вместе с Зоей.

Там мама уже всю гремела посудой:

– Ну, что, «сатанистки», доброе утро. Рассказывайте! – весело приветствовала она своих гостей.

– У тебя мама – святая, – не выдержала Зоя.

– Я не святая, просто с её отцом в своё время намаялась. У него вечно был целый ворох невероятных отмазок. Решила понять, в отца ли дочь, – лукаво подмигнула Лере мама.

Речь, которую приготовила Лера по пути на кухню, застряла в горле: не может она врать. Всю жизнь маме врал отец. Лучше она сама в психушку попадёт, чем то же самое сделает с мамой!

И она принялась говорить. Правду. От начала до конца. Про Эда, общежитие, про утро на кладбище и приезд в полицию.

Мама неподвижно сидела на стуле, внимательно слушая сбивчивую речь дочери. Потом воцарилось молчание. Каша сгорала на плите, в раковине лилась вода, а они всё сидели и молчали.

Первой не выдержала Зоя. Встала, выключила воду и кашу, засучила штанину, показывая фиолетовое пятно:

– Лера не врёт, я свидетель. Вот доказательство, – она ткнула пальцем в синяк, – и она не сумасшедшая. Ну, или мы обе сумасшедшие. Так что, если вы будете вызывать бригаду, – вызывайте две!

Неожиданно мама рассмеялась раскатисто и звонко:

– Эвоно как! А я всю жизнь думала – это я сумасшедшая. Так я и знала, честное слово, так и знала!

Настала очередь девушек пребывать в недоумении: они ожидали чего угодно, но не этой маминой реакции на рассказ Леры.

– Мам? Ты не думаешь, что я умом тронулась? Ты мне веришь? – осторожно спросила Лера.

– Верю, – серьёзно ответила мама. – Знаешь, я же не слепая и не глухая. Мне много кто говорил, что твой отец видит скрытое и слышит то, что другие слышать не могут. Я умоляла его: «Расскажи всё, мы же одна семья!». А он мне всегда в ответ: «Это опасно для тебя». Как в боевике каком-то. Сколько его ни просила – всегда молчал.

– Может, это и правда опасно, а я не знаю и всё испортила? – расстроилась Лера.

– Даже если я прямо завтра помру от услышанного, хоть спокойно помру. Вдруг с тобой что-то случится, как с папой? А я не знаю, где концы искать. Я же в петлю полезу! Ты у меня одна осталась на этом свете, – отрезала мать.

– И потом, – её голос стал глуше, – теперь я знаю, что мои мальчики на небе и у них всё хорошо.

– Но я не знаю, что теперь делать, – чуть слышно прошептала Лера. – Я так плохо себя чувствую, что, кажется, вот-вот упаду.

Девушка потратила на разговор остатки сил и теперь не могла даже поест.

– Так ты ложись! Зоя останется караулить. Я, кажется, знаю, что нужно делать, – скомандовала мама.

Подруга помогла Лере добраться до комнаты, и девушка с наслаждением растянулась в кровати, мгновенно погрузившись в сон.

\*\*\*

– Лера, Лера, вставай! – послышался сквозь сон голос мамы.

Девушка с трудом разлепила веки. В голове шумело, тело не хотело слушаться.

Увидев, что дочь проснулась, мама объяснила:

– Это моя знакомая, тётя Наташа. Возможно, она сможет помочь.

«Тётей эта Наташа была лет тридцать назад», – успело пронестись в голове у Леры, пока она пыталась её разглядеть: морщинистое лицо и увядшая шея, седые, плохо покрашенные волосы – всё выдавало весьма почтенный возраст гостыи.

– Так, что у нас здесь? – спросила тётя Наташа, стараясь придать строгости своему голосу. – А ну-ка, сядь на стульчик, остальные принесите мою сумку и таз с водой.

– Из-под крана? Холодную? – переспросила Зоя, протягивая необъятный холщовый рюкзак, который женщина принесла с собой.

– Любую, – коротко бросила тётя Наташа.

Она доставала и доставала из сумки различные предметы: пучок травы, спички, бутылку с жидкостью мутного цвета, какие-то тряпочки.

Лера со своего стула плохо видела весь арсенал, но встать не было сил.

«Нет Силы встать... Да уж, старые фразы обретают новый смысл», – думала девушка, ожидая, пока ей расскажут, для чего её комнату превратили в кабинет экстрасенса.

Тем временем тётя Наташа зажгла свечу и начала ходить кругами, нащёптывая что-то себе под нос. Взяла со стола пучок травы, подожгла его, а когда комната наполнилась едким дымом, бросила траву в таз. Плескала водой из бутылки, мочила тряпочки и прикладывала к своему лицу. Затем села на пол и стала раскачиваться. Лера, Зоя и мама наблюдали за «священнодействием» тёти Наташи не только с интересом, но и с опасением.

– Так и есть, – завершив ритуал, Наташа как ни в чём ни бывало села на кровать и скрестила руки, – у тебя нет Силы!

Лера многозначительно вздохнула и с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза – это она знала и без неё!

– Тебя кто-то выпил! Хорошенько так. Одна чёрная дыра осталась, – продолжила женщина.

«Или я сама себя вылила», – подумала Лера, но говорить об этом не стала.

– Что делать-то с этим? – упавшим голосом спросила мама. Она стояла, прислонившись к дверному косяку, опираясь на него, будто и сама была без сил.

– Вариант первый: ждать. Сон, прогулки, режим, зарядка. Со временем придёшь в себя.

– А сколько ждать? – перебила Зоя.

– Ну, точно никто не скажет. С полгода, до полного исцеления.

– Есть ещё варианты? – устало спросила Лера.

– Вариант второй: практики. Есть центр неподалёку, называется «Реабилитация Усталой Женщины». Там тебя за пару недель восстановят до «рабочего» состояния.

– У нас нет столько времени, – Лера обратила свои слова к Зое. – Глеб и Эд найдут нас раньше. Не знаю почему, но мне кажется, что они упорно нас ищут.

– Ищут, – подтвердила мама. – Мне звонил Николай Степанович, пока ты спала. Сказал, что к ним приходили молодые люди. Они были у сторожа на кладбище, тот им объяснил, что вас забрали в отделение.

В комнате повисла тревожная тишина.

– А ещё есть способы? – не выдержала Зоя.

Казалось, тётя Наташа только и ждала этого вопроса:

– Есть! Я могу отдать свою Силу, но это будет очень дорого стоить.

– Сколько? – деловито спросила мама.

– За это ты должна будешь помочь мне. В чём именно, я скажу, когда разберёшься со своими проблемами, – ответила она, глядя Лере в глаза. – Я чувствую, что ты видишь скрытое.

– Договор с дьяволом какой-то получается, – пробурчала Лера.

– Решать тебе, – тётя Наташа победно скрестила руки на груди.

– Выбора всё равно нет. Договорились! – согласилась девушка.

Женщина позвала Леру сесть рядом с собой на кровать и взяла её за запястья. Какое-то время ничего не происходило. Девушка уже начала злиться на эту странную гостью, пока внезапно не осознала, что тяжести больше нет, спать не хочется, а мысли ясные и чистые. Она попыталась сосредоточиться и посмотрела так, как учила её баба Стеша: вокруг тёти Наташи не спеша вращался голубовато-фиолетовый вихрь, кончик которого уходил в запястья. Сама женщина с каждой минутой становилась всё бледнее. Вокруг Зои перетекало густое фиолетовое поле, будто кисель. Только маму было плохо видно с кровати. Ещё одна деталь привлекла внимание Леры: кассета на полке светилась бледным, еле различимым фиолетовым светом.

– Тебе хватит на то, что ты задумала, – вдруг сказала тётя Наташа севшим голосом.

Выглядела она неважно, как Зоя вчера.

Лера кивнула:

– Спасибо!

– Не забудь про долг, – напомнила женщина вместо ответа.

– Может тебя проводить? – спохватилась мама.

– Не стоит. Я вызову такси и сразу в Реабилитационный центр. У меня абонемент постоянной посетительницы, – с усмешкой проговорила тётя Наташа.

– Кстати, – она обернулась к Лере, – ты скоро попросишь адрес. Я чувствую это.

– Мне бы очень не хотелось, – скромно ответила девушка.

Тётя Наташа невесело улыбнулась:

– Посмотрим.

Когда за гостьей закрылась дверь, Зоя заявила:

– Объявляю военный совет. За кружкой чая...

\*\*\*

Долго обсуждать не пришлось. Все единогласно сошлись на том, что надо незамедлительно ехать к Зое домой. Тем более, что там остались паспорта и телефоны, да и куртки забрать хотелось, не вечно же в тулупах ходить. Девушки предположили, что парни будут ждать их там. Ну, или приезжать проверять. Да и потом, завтра у мамы уже начнётся рабочая неделя, а отпускать Зою и Леру одних она категорически отказалась.

До автобуса оставалось время, поэтому решили зайти в магазин на углу- купить что-нибудь к чаю, чтобы скоротать вечер.

Уже при подходе к магазину Лера почувствовала что-то неладное. Её ощущения были похожи на смутную тревогу. Она обернулась: так и есть. За ними неспешно катилась машина Эда. Видимо, они как-то узнали адрес и караулили неподалёку.

– Зоя, вот ты где! Я так за тебя волновался, – начал Глеб первым, когда вышел из машины.

Зоя растерялась. Ей стало страшно. Внезапно юноша изменился в лице – почувствовал, что девушка больше не слабая и не больная. Руки его задрожали, а голос наполнился елеем:

– Родная, я даже не понимал, насколько сильно скучал! Увидел тебя и обомлел! Иди ко мне, малышка!

Зоя попятилась и пыталась выдавить улыбку. По «сценарию» она должна была отвлечь Глеба, чтобы Лера смогла зайти со спины.

– Лер, привет, – теперь заговорил Эд, шедший навстречу.

– А вот и мой будущий дорогой зятёк! – громко объявила Лерина мама, перегородив ему дорогу. – Настало время знакомиться с будущей тётшей, да? Я как раз в магазин собралась. Пойдём, поможешь мне по-семейному, заодно и расскажешь, кто ты и откуда. Кстати, можешь звать меня тётя Римма, если мамой пока не готов. Пошли, пошли, намилуетесь ещё, – она взяла оторопевшего Эда под руку и повела напрямиком в магазин.

«Удивительная она, моя мама, – подумала Лера, – мало того, что поверила мне без всяких доказательств, так ещё и помогает».

Увести Эда – была очень хорошая идея. Лера только в теории представляла, что собирается делать, но получится ли в действительности – это большой вопрос.

– Глеб, знаешь, я так много думала всё это время, – Лера слышала, как дрожащим голосом подруга пытается отвлекать Глеба.

– Нам надо пожениться! – внезапно для Леры и самой себя выдала Зоя.

Юноша достал из кармана пачку сигарет, зажигалку и прикурил.

– Ты же бросил? – нарушила трогательный момент девушка.

– Знаешь, не каждый день мне делают такие предложения! – парировал Глеб. – Я согласен! – закончил он свою мысль.

– Что, просто согласен, и всё?! А как же объятия, слёзы счастья? Где это всё? Тебе что, плевать? – Зоя старалась изобразить негодование.

Лера тем временем пыталась собраться. Глеб стоял к ней спиной, и она отчётливо видела жирную чёрную Пиявку, повторяющую изгиб его позвоночника. Надо протянуть руку и достать её. Сделать то же самое, что с Зоей на кладбище... Но именно теперь Лера ощутила брезгливость до тошноты, представив, как дотронется до этой твари.

«Давай, соберись, Лера, у тебя получится!» – мысленно подбадривала она себя.

Зоя уже начала коситься на неё, да и Глеб стал оборачиваться, словно чувял неладное.

– Была не была, – выдохнула Лера и в три шага оказалась за спиной Глеба. Протянула руку и легко сжала чёрную тварь. Дёрнула её на себя, та поддалась, но не оторвалась окончательно. Глеб застыл в неестественной позе. На лбу у Леры выступили капельки пота: неужели ничего не получится? Она направила в сжатый кулак всю Силу и дёрнула ещё раз. Тварь поддалась и со странным хрустом вышла из тела Глеба.

«Чтоб тебя... и что теперь с ней делать?» – пронеслось в голове девушки. Не придумав ничего лучше, она швырнула пиявку в мусорный бак, который стоял совсем рядом.

Глеб зашатался и как-то странно захрипел. Резко дёрнувшаяся вверх рука отбросила недокуренную сигарету, которая вслед за пиявкой отлетела туда же.

Последнее, что запомнила Лера, – это дождь из осколков витрины магазина, глухой удар об асфальт и вкус собственной крови во рту.

\*\*\*

– Лера, Лера, вставай! – будто издали услышала девушка голос матери.

«Похоже, у меня дежавю», – мысли медленно возвращались, и вдруг её накрыла сильная боль. С трудом открыв глаза, Лера увидела прямо над собой звёздное небо: «Так. Руки, ноги целы, сесть вроде могу...»

Мама помогла подняться, стала осматривать голову дочки. В этот момент девушка заметила фиолетовый огонёк, неспешно поднимающийся к небу.

«Глеб! Я его убила!», – поняла она, и тут же противный липкий страх сдавил горло.

«Что теперь будет? Тюрьма? Как всё это объяснить? Конечно, вокруг много свидетелей, но правду-то не скажешь! И почему разбилась витрина? На кладбище такого не было. Что там говорила баба Стеша: погост высосет? А здесь не кладбище, значит, что? Надо пойти к ней и всё толком расспросить», – мысли ещё путались и пугали.

Вдалеке завывала сирена.

С трудом заставив себя перевести взгляд в сторону Глеба, Лера увидела то, что ожидала и чего боялась: он лежал на спине, лицо было странно перекошено, а стеклянные глаза смотрели в пустоту. Поодаль, прямо на заснеженных ступеньках, неподвижно сидела Зоя. Вокруг толпилось много людей, они что-то обсуждали, фотографировали и снимали на камеру. Увы, чужая смерть всегда привлекает...

Эда нигде не было видно.

– Мам, где Эд? – с трудом выговорила Лера и сама не узнала свой хриплый голос.

– Сбежал твой красавчик! Как только мы с ним вышли, он глянул на Глеба, прыгнул в машину и был таков, – с недоброй усмешкой ответила мама Римма.

Подъехала полицейская машина. Из неё неспешно вышел уже знакомый им старший сержант Грачёв:

– И что же, гражданки? Только сегодня в отделении были и вот снова! Вы мне дадите смену нормально закрыть? Витрину кокнули? – он перевёл взгляд на лежавшего ничком Глеба. Подошёл к нему, хотел приложить руку к шее, но передумал. Всё было и так ясно:

– Здесь труп! Теперь так просто не отделаётся! – нахмурил он брови.

Лера не знала, что говорить. Мысли в голове обгоняли одна другую, и стройного объяснения не находилось.

– Товарищ милицейский! Я свидетель! Я всё видела, сейчас всё расскажу. У меня тут даже орудие убийства есть! Вон, я его сумкой накрыла, чтоб не утащил никто, – стоявшая поодаль бабулька в платочке, с палочкой и сумкой на колёсиках, казалось, выжидала самый удачный момент, чтобы поразить открывшую рот толпу своим рассказом.

Лера закрыла лицо руками: «Ну всё, либо за решётку, либо в «дурку».

– Слушаю, гражданка, – ответил Грачёв.

– Таки вот, – затараторила бабуля, – вот этот труп стоял у мусорки и болтал вот с той девчонкой, ну, которая на ступеньках сидит. Кстати, эй, встань немедленно, ты чего на холодном расселась, детей не будет, – повысила голос бабулька в попытке докричаться до Зои, но та сидела по-прежнему неподвижно. Кто-то из толпы пошёл к девушке, чтобы предложить помощь.

– Таки вот, – продолжила бабулька, – труп курил...

– Трупы не курят, – не выдержал старушкиных речей сержант Грачёв.

– Ну, гражданин, который теперь труп. Чего придираешься? Ты слушай, а лучше пиши. Пиши, пиши, я тебе уже дело раскрыла, – огрызнулась она в ответ. – Таки вот, курил, значит, и подавился. И давай кашлять, значит, и тут вон та деваха, – костлявый палец старухи ткнул в Леру, – начала его по спине хлопать, ну, чтоб он не кашлял. А он, значит, бычок свой в мусорку бросил. Видно, он дымом-то и подавился, значит. А там, в мусорке, вот оно лежало!

Бабка приподняла сумку, и вся толпа вытянула шеи посмотреть, что же там. На земле лежал пластиковый баллончик, скорее всего, освежитель воздуха.

– Ты чего мне, старая, сказки рассказываешь? Как его, по-твоему, этим баллончиком убило? Издеваться решила? – Грачёв ещё больше нахмурил брови.

– Слышь, дело я тебе говорю! Кто-то бросил баллончик, видно, потёк он. А труп этот курил да бычок свой кинул. Баллончик и взорвался, а у трупа инфаркт. Это я точно тебе говорю: у меня дед от инфаркта помер, а тут – один в один. А убийца – это тот, кто баллончик

кинул. Ведь его в мусорку кидать нельзя? Значит, он его и убил. Отпечатки сейчас снимешь, хозяина найдёшь – и дело раскрыто!

Брови Грачёва сошлись в одну полоску, лицо покраснело, а щёки затряслись. Он очень хотел сказать бабушке много нелестного, но толпа зевак, снимающих на телефон, его сдерживала.

– Бычки тоже нельзя в мусорку кидать! – только и смог ответить полицейский.

– Ой, это чего, он самоубийца, получается? – схватилась за сердце бабуля.

От необходимости отвечать Грачёва избавила подъехавшая скорая помощь.

– Что у нас тут? – устало спросил медик, подойдя к сержанту.

– Труп, – коротко отозвался тот.

– Прекрасно. Труп подождёт. Пострадавшие? – оглядел толпу медик. Увидел Леру, которая держалась за голову, и направился к ней с чемоданчиком.

– Гематома – швы не нужны, – заключил он после осмотра. – В больницу поедем? Вдруг сотрясение.

– Не поеду, – твёрдо заявила Лера.

– Тогда отказ напишешь и всё, – кивнул он.

– Причину смерти определишь? – топтался сержант в нетерпении. Он не мог решить, надо кого-то задерживать или нет.

– Вскрытие определит, могу только на глазок сказать, не для протокола. На инфаркт похоже, – сотрудник скорой помощи поставил чемоданчик, надел перчатки, расстегнул куртку на Глебе и бегло оглядел юношу.

– Хочешь сказать, что молодой парень испугался взорвавшегося баллончика и получил инфаркт? – пробурчал сержант, проверяя карманы куртки. Он до конца не мог поверить в эту версию.

– А вот и паспорт! – обрадовался сержант. – Ну, уже проще. Так, что у нас там? Сколько?! – брови Грачёва взмыли к самой фуражке:

– Пятьдесят два года?! Смотри! – он протянул паспорт сотруднику скорой.

– Действительно, пятьдесят два! – медик даже взбодрился и уже не казался таким сонным. – Я бы ему больше тридцати не дал.

– Думаешь, пластика? Натянут себе кожу, как на барабан, и фиг разберёшь их потом, – предположил Грачёв.

– Не похоже. Ну, либо делал профессионал – шрамов не видно, – врач покрутил голову Глеба, пытаясь что-то разглядеть.

– Ладно, накрывай этого престарелого юношу, я «труповозку» вызову и показания сниму, – Грачёв указал на Леру.

Медик в ответ кивнул, забрал подписанный отказ от госпитализации и запрыгнул в машину.

После дачи показаний и заверений, что они из города не уедут, всех отпустили по домам.

Зоя всю дорогу молчала. Лера тоже не находила что сказать. Такого исхода событий точно ни одна из девушек не ожидала. Скорее, каждая из них думала, что будет как в сказке: проклятие снято, чудовище снова стало принцем, и жили влюблённые долго и счастливо...

Придя домой, Зоя разрыдалась прямо на пороге:

– Я не хотела... Я не думала... Если б я знала... – это всё, что можно было различить сквозь рыдания.

Лера и мама Римма помогли девушке раздеться.

Всю ночь они втроём разговаривали, плакали и обнимались, пока под утро не забылись тревожным сном...

## Часть вторая. Клятва

Написание диплома не двигалось с мёртвой точки. Несмотря на то что прошло уже несколько недель, Лера никак не могла заставить себя перестать думать о произошедшем. Что это было? Она убила Глеба? Или это совпадение, и взрыв баллончика действительно вызвал инфаркт? Но узнавать ответы на свои вопросы было ещё страшнее, поэтому она откладывала и визит к бабе Стеше.

Зоя уехала к себе домой и тоже не выходила на связь. Ей, наверное, хотелось побыть одной. Мысли об Эде Лера гнала от себя с утроенной силой, но боль от предательства любимого заставляла вновь и вновь возвращаться к пережитому: она бы его убила? Или исцелила? Что могло произойти, если бы на месте Глеба был он? Где он сейчас? Ищет ли её? Что делать, если найдёт?

От тяжёлых раздумий её отвлек звонок на домашний телефон.

– Лера, тебя, – позвала мама.

– Алло? – ответила девушка, гадая, кто это мог быть.

– Это тётя Наташа. Звоню напомнить про должок! – раздался с той стороны странно бодрый голос.

Внутри у Леры похолодело:

– Вы же понимаете, я не специалист, я не уверена, что у меня получится...

– Посмотришь, а потом решим, – прервала женщина, – жду на улице через полчаса, идти недалеко.

Лера какое-то время стояла, сжимая в руках трубку, и слушала короткие гудки. Ей это всё очень не нравилось, но она давала обещание...

Мама сразу поняла, в чём дело:

– Пойти с тобой?

– Нет, не надо. Я просто узнаю, для чего и кому нужна, а потом уже решим, – ответила Лера.

Через полчаса она вышла на улицу.

– Нам вон в ту многоэтажку, – показала тётя Наташа на один из немногих высотных домов в городе.

Шли молча. Лера размышляла о том, как объяснить, что она многого не знает и во многом не разбирается. И с чего вдруг тётя Наташа решила, что Лера может помочь? Подойдя к подъезду, они увидели мягкие игрушки, стоящие на деревянной дощечке прямо посреди газона, заваленного тающим мартовским снегом.

– Это что? – вырвалось у Леры вслух.

– Здесь женщина из окна выпала. Или выбросилась. Года три-четыре назад. Её дочка носит сюда игрушки. Она учится с моей внучкой в одном классе.

– А как её зовут? – спросила Лера, начиная догадываться, о ком говорит женщина.

– Лиза, по-моему.

Волна жгучего стыда накрыла Леру. Любаша! Это её дочка! Перед глазами живо встала картина: кладбище, плачущая Любаша, которая не может «уснуть», потому что ждёт, когда муж-Пиявка расправится и с дочерью. За случившимися событиями она и не вспоминала про неё. Ещё одно невыполненное дело... Лера была растеряна.

«Как это ужасно, когда истязают родную, любимую дочь, а ты не в силах ничего с этим сделать. Но может ли она помочь? А вдруг снова убьёт человека? Как ей жить тогда?» – носилось в голове, пока они заходили в подъезд и ехали в лифте.

Тётя Наташа нажала на кнопку звонка. Дверь, ведущая в квартиру, была новой, даже плёнку ещё не сняли. На пороге показалась очень симпатичная миниатюрная блондинка лет тридцати пяти; если бы не синие круги под глазами, можно было бы назвать её красавицей.

– Проходите, – кивнула она.

Квартира пахла чистотой, свежим ремонтом и лекарствами.

– Я пойду чай поставлю, – чуть слышно проговорила женщина и ушла, видимо, в сторону кухни.

Тётя Наташа сняла сапоги, повесила в шкаф пальто и кивнула на дверь в комнату прямо перед ними. Лера с обречённым вздохом сняла верхнюю одежду и проследовала за своей спутницей.

С порога в ноздри ударил запах гнили. На потолке она заметила что-то большое и чёрное. Сосредоточилась, будто хотела увидеть Пиявку, и тут же очень сильно пожалела об этом. Наверху, словно на полу, распласталась бесформенная, надутая туша, уже смутно напоминавшая человека. Очень-очень толстого человека. Синее лицо обезображено сиреневыми язвами. Чёрный распухший язык вывален изо рта. Длинные жёлтые, потрескавшиеся ногти на толстых и скрюченных пальцах, будто сведённых судорогой. Из необъятного живота свисает верёвка, напоминающая пуповину, и спускается на кровать. Под ним, окружённая подушками и мягкими игрушками, лежит светловолосая девочка лет пяти. На бледном личике темнеют круги, смешиваясь с тенью от длинных ресничек.

Внезапно туша, которая казалась застывшей, пришла в движение. Налитые кровью глаза стали вращаться, пытаясь сосредоточиться на тех, кто зашёл в комнату. Рот изогнулся в мерзкой улыбке, не предвещавшей ничего хорошего... Это была даже не улыбка – оскал. Висящая пуповина раздвоилась, и отвратительный отросток поплыл в их сторону, ощупывая воздух вокруг.

– Твою мать! – не сдержалась Лера, выскочила в коридор и вжалась лопатками в стену. Голову бросила в жар, а по спине пробежал холодок.

«Неужели они хотят, чтобы я сделала что-то с этим?!» – подумала она и опустила на корточки, обхватив голову руками.

– Ты увидела, я так и знала! – победно скрестив руки на груди, тётя Наташа наслаждалась собственным триумфом.

Лера, не мигая, уставилась на её брошку. Поблёскивая на груди, словно медаль, она дополняла победный образ.

В целом, тётя Наташа больше напоминала престарелую учительницу. Сегодня она была одета в зелёную блузу в мелкий цветочек и строгие чёрные брюки. Для завершения образа не хватало только очков в роговой оправе.

– Сколько вам лет? – спросила Лера, чем сбила женщину с толку.

– Пятьдесят шесть, – последовал ответ после недолгого замешательства. Тётя Наташа подошла к зеркалу в коридоре и поправила помаду, – это имеет какое-то значение?

– Как вы вообще решили заниматься вот этим всем? – Лера не стала отвечать на Наташин вопрос.

– Да, как-то само собой получилось, – пожалала плечами женщина, – я работала диспетчером в котельной. Начала предугадывать, когда плохая смена. Потом почуяла, что поставщик нас с углём «кинет». Потом будущее получилось предсказывать. Затем лечить стало получаться. А к чему эти лирические отступления?

– К тому, что в комнате такая тварь, которую я в жизни никогда не видела. И понятия не имею, что с ней делать, – призналась Лера.

Тётя Наташа присела на корточки перед девушкой и взяла её за руки:

– Понимаю: тебе страшно, но ты здесь не просто так. Сама посуди, когда я пришла сюда, мне сразу стало понятно, что помочь ничем не смогу. Я чувствую здесь что-то, оно... мёртвое.

Всё, что могу – отсрочить угасание этой девочки. Это не болезнь, от которой можно найти лекарство. Я чувствую, как из неё уходит Сила.

В тот же день мне звонит Римма, твоя мама, и просит прийти. Стоило зайти в комнату, как я сразу поняла, что ты соприкоснулась с тем же самым. Но, в отличие от меня, ты понимаешь, что произошло. Хоть и не говоришь.

Всё в этой жизни происходит «для чего-то», а не «потому что». Для чего-то попался поставщик, который обманул нас с углём. Может, для того, чтобы, наконец, призналась себе, что в котельной прячусь от мира... Мне было страшно говорить, что я чувствую то, что другие нет. Жизнь не наказывает нас всеми этими событиями. Она распахивает дверь, чтобы мы могли двигаться дальше. Иди домой, подумай! Я побуду здесь и буду делать что могу.

Выйдя из подъезда, Лера долго и жадно вдыхала мартовский воздух. Первые нотки весны уже звучали вокруг. Внутри крепла уверенность – надо постараться помочь.

Дома она пересказала маме то, что увидела в квартире умирающей девочки. Римма в задумчивости села на табурет и через несколько минут произнесла:

– Если не хочется этого делать, ты не обязана. К тому же, если не уверена, что это безопасно. Я очень волнуюсь и совсем не хочу, чтобы ты втягивалась в какую-то авантюру.

– Мам, если ничего не сделать, эта девочка скоро умрёт, – коротко ответила Лера.

– Тогда пообещай мне, что не будешь одна. Позвони Зое, – согласилась Римма.

Лера кивнула и пошла в комнату. Легла на кровать, перебирая в голове события сегодняшнего дня. Решившись, пошла к телефону и набрала Зоин номер. Та подняла трубку не сразу. По голосу было слышно, что она не настроена разговаривать.

– Зоя, скажи мне, в чём дело? Я себя чувствую виноватой. Понимаю, тебе плохо и тяжело, но, пожалуйста, поговори со мной.

– Хорошо, – нехотя ответила Зоя, – я завтра приеду.

Лера постояла немного, держа трубку в руке, потом медленно вернула её на место. Все мысли куда-то вдруг исчезли, осталась только странная и непривычная тяжесть в голове. Вернувшись в свою комнату, Лера села на кровать и стала смотреть в окно. Ветки старого клёна тихонько скреблись в стекло, качаясь от ветра. Совсем как в день похорон Макса. Только тогда они стучались неистово. Лера перевела взгляд на полку с кассетами. Точно! В день, когда первый раз приходила тётя Наташа, кассета светилась слабым фиолетовым цветом. Что это значит? Не может быть, чтобы Макс просто так был здесь. Он определённо хотел что-то сказать. Но как узнать что? Лера встала с кровати и взяла в руки пластиковую коробочку с песнями Цоя. Вложила кассету в магнитофон и включила. Он послушно заиграл:

– Уу, восьмиклассница-а-а-а...

Девушка снова легла на кровать и уставилась в потолок, теребя коробочку. Повинуясь порыву, поднесла её к лицу и вдохнула запах. Мир померк... Возникло ощущение невесомости, потом – падения... Вокруг мерцали какие-то образы, силуэты и пятна света. Наконец, эта попытка закончилась. Невыносимо яркий свет окружил девушку. Пахнуло летней жарой. Пытаясь раскрыть слезящиеся глаза, Лера различила голос совсем рядом. Это был голос её брата!

– Что вам надо? – как всегда в своей манере, немного с вызовом спрашивал он.

– Уезжай отсюда. Далекое, как можно дальше, и никогда больше не возвращайся! – прохрипел голос в ответ.

Лера смогла различить силуэт сгорбленной старухи в аляповатом цветастом платке. Пересиливая режущую боль в глазах, девушка раскрыла их как можно шире: старуха стояла совсем близко от Макса. Выглядела она очень неприятно: крючковатый нос и неестественные чёрные брови, из-под которых выглядывали чёрные уголья глаз. Рядом со старухой стояла черноглазая и черноволосая девушка с грубыми, будто мужиковатыми чертами лица. Целый ворох цветастых юбок колыхался, когда она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Неестественно большая для её тонкого стана грудь, норвила выпрыгнуть из ярко-алой блузы. Третья фигура

никак не хотела проявляться, и Лера уже собиралась бросить попытки разглядеть, как внезапная догадка заставила её сердце учащённо забиться: это же Эд! В кожаной куртке, той самой, в которой он бы в день их знакомства. Чёрные как смоль волосы привычно зачёсаны назад. Лера часто шутила, что в нём есть цыганские корни. Эд отмахивался, а сейчас она явно поняла – это правда! Широкие плечи юноши подёргивались, а вена на шее вздулась – как всегда, когда он сильно злился. Острый длинноватый нос сузился и походил на клюв.

– Я никуда не поеду! Чтоб меня ещё какие-то гадалки вокзальные пугали! – с вызовом ответил Макс, оглядывая поочерёдно всех троих.

– А я тебе говорил, он видит её. Нужны были доказательства – лови! – зло бросил Эд. Лера никогда не слышала, чтобы он разговаривал подобным тоном.

– Вижу, насквозь вас вижу! И особенно тебя! – Макс ткнул пальцем в девушку.

Лера сосредоточилась и посмотрела сквозь них. Пиявку на спине Эда она увидела сразу. Изображение старухи замерцало, словно пропадая...

«Вот в чём дело – она мёртвая!» – догадалась Лера. Перевела взгляд на девушку, и глазам стало невыносимо больно. Никак не получалось сосредоточиться. В висках запульсировало от напряжения. Из последних сил Лера ещё шире открыла глаза. Пространство вокруг незнакомки было наполнено ярко-алым цветом. Такого цвета Лера ни разу не видела. Внезапно девушка-цыганка повернулась и посмотрела Лере прямо в глаза – она её явно видела! Изображение потемнело, и последнее, что Лера услышала, было:

– Кончай с ним.

– С удовольствием! – хриплый голос старухи был полон торжества.

... Когда Лера открыла глаза, было уже утро. За окном постукивала первая капель, и яркое солнце окрашивало комнату в тёплые тона. Девушка сладко потянулась и поднялась. На удивление, она хорошо выспалась.

Но что было ночью? Сон? Видение? Она поискала коробочку, которая спряталась в складках покрывала, и внимательно посмотрела на неё: фиолетовый свет от неё больше не исходил. Значит, это не сон. Это было послание, которое Макс оставил для неё. Люди из видения причастны к его смерти? И Эд? Но Макса же забрала болезнь!?

«Да! Как и девочку, над которой нависла уродливая тварь», – мысленно ответила Лера сама себе.

В дверь позвонили. На пороге стояла Зоя. Выглядела она шикарно: высокие сапожки, узкие джинсы и белоснежная куртка. Волосы собраны в сложную причёску, и без того идеальные черты умело подчёркнуты макияжем. Лера так и застыла перед дверью: такой она подругу ещё не видела.

– Может,пустишь? – улыбнулась Зоя, – сама ведь позвала.

– Входи, конечно входи! Ты... Ты просто фантастически выглядишь! – вырвалось у Леры.

– Да будет тебе, смущать! – улыбаясь, отмахнулась Зоя.

Девушки прошли в кухню выпить чаю. Когда они расположились за столом, Лера начала первой:

– Зоя, я понимаю, что виновата, но я...

– Лер, прекрати. Я прекрасно понимаю, что ты ни при чём, – перебила её Зоя. – Я просто после всех событий совсем потерялась. Моя жизнь была такая стабильная, предсказуемая, столько планов. Знаешь, что мне сказали в полиции, когда позвали на дачу показаний? Глеб был женат! И у него дети, ненамного меня младше. Двое – мальчик и девочка. Представляешь, за всё это время даже ни разу не заглянула к нему в паспорт! Да я вообще о нём ничего не знала. Просто верила на слово его сказкам и всё. Я ужасно глупая!

– Тогда я такая же, – вздохнув, тихо сказала Лера, поглаживая уголок скатерти.

– Иди, обниму, – засмеялась Зоя и заключила подругу в объятия.

– Мир?

– Мир! Что нового приключилось, пока меня не было? Что-то мне подсказывает, что ты снова вляпалась в невероятное приключение, – лукаво подмигнула Зоя.

– Ты права, – Лера снова вздохнула и принялась рассказывать про мягкие игрушки на снегу от дочери Любаши, про исполнение обещания тётке Наташе, про кассету и своё ночное видение.

– Вот это события! – изумилась Зоя. – Что думаешь делать?

– Не знаю. Честно говоря, даже не представляю, с чего начать, – грустно ответила Лера.

– Пора к бабе Стеше? – казалось, у Зои всегда наготове план.

– Наверное, – согласилась Лера, – больше мне не у кого спросить.

– Тогда идём, – Зоя, как всегда, была легка на подъём, – только давай конфет наберём каких-нибудь.

– Зачем? – не поняла Лера.

– Помнишь, она говорила, что от угощения у них Сила прибавляется? Значит, надо идти с подарочками! – ответила Зоя, крайне довольная своим решением.

Собрав необходимое, девушки вышли из дома и направились на кладбище.

Не прошло и часа, как они стояли возле того места, где Лера впервые увидела бабу Стешу, но на могиле никого не было.

– Ты уверена, что это здесь? – спросила Зоя.

– Да, уверена. Мы же проходили мимо могил брата и папы, а это почти рядом. – Лера стояла возле покосившегося креста и пыталась разобраться, что написано на ржавой табличке. – Ничего не понятно. Да и фамилию мы не знаем.

– А может её позвать? – предложила Зоя.

– Что делать, давай! Не уходить же с пустыми руками, – согласилась Лера.

Девушки разложили конфеты прямо на лавочке, потому что стола внутри оградки не наблюдалось.

– Баба Стеша, приходи! – громко произнесла Зоя, но ничего не произошло. – Может хором попробовать?

– Ага. Сне-гу-роч-ка! – прыснула со смеху Лера. – Как ты себе это представляешь?

Зоя не выдержала и тоже захихикала, но потом вспомнила, как старушка Любашу звала и предложила Лере:

– Ну, попробуй повторить! Хуже не будет.

– Ладно, попробую, но ничего не обещаю, – ответила Лера.

Она закрыла глаза и представила, как фиолетовый туман сгущается, принимая очертания старушки. На ум пришёл голос Зоиною дедушки, который прозвучал у неё в голове, когда они убегали от Эда с Глебом. Решив попробовать так же, она произнесла про себя: «Стеша, появись, ты мне нужна». И открыла глаза.

Внутри ограды явно что-то стало происходить, чей-то нечёткий силуэт то проявлялся, то стекал вниз, покрывая могильный холм. Наконец, он собрался в знакомые очертания. Хотя глаза Леры слезились, она пыталась сосредоточиться на образе Стеши. Та появилась перед ними, странно держа руки над головой. Ладони были обращены вверх, словно она танцевала какой-то египетский танец.

– Ууу, зараза! – первое что услышала Лера. – Я тебе чего-сь, бабушка по вызову?!

Девушка в недоумении хлопала ресницами, а баба Стеша разошлась не на шутку:

– И где ты этим трюкам научилась? Да кто тебе разрешил так делать, а? Думаешь, если я мёртвая, у меня дел своих быть не может?!

– Я не хотела ничего плохого! Я сделала что-то не так? – Лера пыталась оправдаться, хотя решительно ничего не понимала.

– Посмотрите-ка на неё, она даже не знает, что она сделала! Кстати, а действительно, ты как это сделала? – совершенно внезапно баба Стеша сменила гнев на милость.

– Мы вас звали-звали, а вы не отвечали, тогда я просто представила, что ты появилась и всё, – пролепетала Лера, настолько сбитая с толку, что даже перешла с «вы» на «ты».

– Просто представила, говоришь? – баба Стеша сузила глаза и недоверчиво посмотрела на Леру. – Занятно...

В ответ девушка энергично закивала, а потом спросила:

– Мне нельзя было это делать? Я ведь не знаю законов ваших – что можно, что нельзя...

– Не нельзя, а невозможно, – задумчиво протянула баба Стеша. – Только Хозяйка погоста может к могиле призывать, но она пропала ещё до того, как я преставилась. А ты Хозяйкой быть не можешь, потому что живая. Да и мёртвой не лучше была бы. Ума-то, как у синицы, – она опять бросилась насмешничать.

– А что это вы руки так странно над головой держали, когда появились? – вставила свой вопрос Зоя.

– Суфийская техника! Заграничная! Руки вот так делаешь и давай юлой кружить! Сила сама в темечко потечёт, – гордо пояснила баба Стеша. – О! Кукла, а ты меня видишь? – запоздало удивилась она.

– Ну да, вижу. И слышу. Ой, что же получается, я всё равно скоро умру? – испугалась Зоя.

Баба Стеша задумчиво посмотрела на неё:

– Да нет, Сила вокруг тебя плещется, как студень от жирного пороса. Да не простая, а наша, кладбищенская...

Внезапно её осенило:

– Ты что, дура, Силу свою в неё влила? Да ты представляешь, что будет? – рывкнула она на Леру.

– Зоя ведь не умрёт? – испуганно отозвалась девушка.

– Кукла твоя скоро в «дурку» отправится, на казённых витаминах век коротать! За что мне эти девки, а? Ну, чем я так согрешила? – схватила за голову баба Стеша.

– Как же так? Почему? – испугалась Лера.

– Потому что Сила эта – неживая. Отравит она её, да с ума сведёт. Мёртвые мысли начнут в голове копошиться, голоса станут звать. Рано или поздно она им сдастся, вот и всё! Лучше б просто померла, чем так, – баба Стеша теперь смотрела на Зою сочувственно.

– У меня и правда, в последнее время мысли такие, будто и не мои, – почти шёпотом призналась Зоя, – и что теперь делать?

– С тех пор, как вы мне этот вопрос задавали в последний раз, сделали только хуже. Ох, бедовые! Даже не знаю, как с вами быть, – покачала головой старушка. – Может, сразу в гроб ляжете и всем спокойнее станет, а? Я могу подсобить!

Ни Лера, ни Зоя никак не могли привыкнуть к Стешиным выпадам: то ли шутит, то ли нет...

– Это ещё не всё, – призналась Лера. Она присела на край лавочки и выложила всю недавнюю историю – как на духу.

Выслушав её, баба Стеша молча села рядом и уставилась в одну точку...

На растущей неподалёку берёзе громогласно каркала ворона. Стая нахальных пичужек шумно перелетала с места на место, раскачивая ветки. В воздухе пахло весной...

После долгого молчания баба Стеша вздохнула:

– Вы дуры от рождения или на это дело учились где специально? Давай по порядку: сначала ты накачала подругу мертвячкой Силой, потом поклялась неизвестной тётке, что сделаешь всё, что она попросит. Потом замахнулась на полувековую Пиявку в людном месте, очень ожидаемо лишила кровососа жизни. Второй кровосос убёг и затаился. Затем ты пошла и подала себя Пузырю на блюдечке и только чудом и Божьим провидением вышла живой. А напоследок вляпалась в видение, где тебя в лицо узнала ведьма. Я ничего не пропустила? Ты хоть понимаешь, что вообще каждый твой «подвиг» – это уже билет на погост? А с таким букетом переезд

обеспечен в считанные дни. Так что иди, по рядочкам погуляй, выбери себе поуютнее уголок да вещи свои перетаскивай.

– А вы можете Силу мою мертвяцкую забрать? Вроде как она же местная, значит, можно её тут и оставить! – спросила Зоя.

Лицо бабы Стеши мгновенно изменилось, изо рта показался ряд мелких зубов, черты заострились, а по телу прошла дрожь. За оградой прокатился шелест, будто сама земля дрогнула... Вдалеке что-то гулко ухнуло.

Вскочив на ноги, баба Стеша заметалась внутри ограды, затем кинулась за могилку, схватила там веник и стала колотить им по кресту:

– Спать всем! А ну, по койкам, детки! – закричала она не своим голосом. Гул вокруг внезапно стих. Воцарилась звенящая тишина. Старушка развернулась к Зое и прошипела, подойдя вплотную:

– Не искушай здешних, девка. Ещё раз вякнешь такое на погосте, раздерут тебя на части – никто не спасёт!

Потом осела, будто ещё больше уменьшилась и ссохлась, обняла веник и запричитала:

– За что мне кара такая? Грешна я, но не настолько же. Есть же предел у этого наказания...

Развернулась к девушкам и произнесла:

– Может правда, лучше мне усопнуть, чтобы не видеть всего этого безобразия?

Лера и Зоя кинулись к бабе Стеше и заговорили наперебой:

– Прости нас! Мы не специально, не со зла! Научи нас, как с этим разобраться?

Баба Стеша немного пришла в себя:

– Ладно, всё равно выбора у меня нету. Научу вас тому, что сама знаю, а там уж как выйдет, не обессудьте.

– Сначала с этой, «накачанной», – баба Стеша кивнула на Зою, – Силу раздавать ей надо, но не на погосте! Тут с тебя чуть-чуть не возьмут – заберут всю! Рухнешь за мертво, и всё. Болящим можно отдавать или тем, кто совсем без Силы. Им ты не навредишь, если в меру. Но где ты возьмёшь армию болящих – не знаю. Раздавать тебе до старости и ещё останется.

– А с Пиявками-то что? Неужели выбора нет, только убивать? Должен же быть другой путь? – с надеждой в голосе спросила Лера.

– Вы вообще знаете, как Пиявки-то эти появляются? – сузила глаза старушка.

– Нет, не знаем, – сокрушённо покачала головой Лера.

– Во всём, девочка, надо искать корень, то бишь исток – с чего всё началось. Вот там, внутри, ответы и спрятаны. Пиявка – это мертвяк с кладбища. Ходят до беды охочие люди по погосту, нос суют в чужие ограды, охают да головой качают: «Ах, какой молодой, да красивый, жить бы ещё да жить!» А мертвяк – прыг на горб. И всё! Готова Пиявка! Главное – за погост выбраться. Для этого надо, чтоб человек через ворота вышел, а не через калитку, но это и нащептать можно. А там уж дело нехитрое. Приносят в свою семью Пиявку, в кровать к супружнику ложатся, а мертвяк не дурак, чует, кто в семье самый сильный, да заползает на того, у кого физической силы больше. А потом уже корни пускает, приживается и превращается вот в такую чёрную дрянь. Есть молодые Пиявки – они жрут безрассудно, пока всю семью к нам не отправят. Есть те, кто смекнул: своих жрать до дна глупо, на погосте примут покойничка, а старосту отправят разобраться...

И ходят они по миру, жертвы себе ищут. Чем взрослее Пиявка, тем умнее. Начинают учиться морок наводить и ещё каким разным фокусам. У таких – хозяин мёртв, там живого ничего не осталось. Тогда они начинают сами яйца откладывать. А Пиявку отбери – помрут сразу. А если смолоду её оторвать, то, может, и не помрут. Но в «дурку» точно поедет, потому что Пиявка живую Силу жрёт, только мёртвую оставляет.

– Получается, что мёртвые с погоста только на живых выйти могут? И люди, того не понимая, сами их с собой зовут? – уточнила Зоя. – А мой дедушка? Как он с погоста вышел? И где он сейчас? Почему на его могиле никого?

– Подсобили мы деду твоему, он своё дело сделал, да усоп. Есть способ выбраться, да всё, «прикрылась лавочка». Бывало, ночью ворота кто откроет – выскользнуть можно, да только сторожа в последнее время – кремень! Инструкция есть: ворота наглухо запирают, как только сумерки начинают сгущаться. Так и запирают. Хотя с месячишко назад новенький пришёл, студент какой-то. Наши у ворот толпятся каждый вечер – развлекаются. Думают, что, если напугают его, то он в штаны наложит, сбежит и про ворота забудет. Но ничего, держится пока, хоть и молодой.

– А всё-таки, как Пиявку эту вытащить, чтоб не навредить? – вернула Лера бабу Стешу к тому, что её беспокоило.

– Молодую просто на погост привести: они не знают, что им сюда нельзя. Бывает, не хотят идти, чувят что-то, сопротивляются. Но хитростью, обманом, да хоть силой – можно. Тут Пиявку снимут, а душа жива останется, будет шанс на небо отправиться да покой найти. Снимешь не здесь, и всё: засохнет, загниёт да страдать будет веки вечные. А тому, кто её носил, – всё равно, что там, что тут – в «дурку» с любого места возят.

Вот раньше было всё по уряду. На Родительское приезжали сюда и стар и млад. Хозяйка у ворот всех привечала да зорко следила, чтоб никто Пиявку на себе не таскал. А сейчас что? Не ходят сюда совсем или ходят, когда кому в голову взбрёт. Родичей правильно не поминают. Бардак!

– А ворота-то закрывать зачем, это магия? – переспросила Зоя.

Баба Стеша закатила глаза:

– Я про умное, а она всё туда же, про ерунду, – недовольно ответила старушка. – Когда гроб несут через ворота, мёртвый следом идёт. Пока в землю не опустят или не сожгут, он к нему привязан как на поводок. Мертвяки ворота пересекают – следы остаются. По ним и выйти можно. Но там уже церковка помогает... В древние времена люди знали, как мёртвым не давать по земле бродить. Церковь ещё у язычников научилась и попов своих до сих пор обучает.

Будешь выходить отсюда, посмотри на ворота да на церкву повнимательнее, – обратилась она к Лере, заканчивая свой рассказ.

– А как девочку спасти, научишь? – спросила Зоя.

– А чего её спасать? Помрёт скоро, а Пузырь лопнет. И всё... – речь бабы Стеши стала медленнее, а сама она – прозрачнее. – Потратила я все силы с вами, отдохнуть мне надо.

– Подожди! Пожалуйста, скажи, что я могу сделать, я же пообещала помочь! – выкрикнула Лера.

– В Пузырь оборачивается тот мертвяк, кому при жизни клятву дали, но не исполнили. В большой обиде смерть пришла. Если девочку «сосёт», значит, кто-то из её рода клятву дал да помер раньше. Вот Пузырь с младшего из рода и стребывает. Ищи, кто клятву не исполнил, да веди к Пузырю. Если тот усоп уже, то девчонке спасу нет. Да не суйся сама без нужды! Если тебя коснётся, вместе с дитёй сляжешь, – последние слова баба Стеша произнесла почти шёпотом. Глаза её закрылись, фигура стала настолько прозрачной, что почти слилась со снегом...

Девушки застыли, боясь пошевелиться. Зоя первой нарушила тишину:

– Я правильно понимаю, что пытаться влить в неё Силу – это плохая идея, да?

– Давай повременим с донорством, – вздохнула Лера. – Я уже поняла, что всё сложнее, чем кажется. Мы не знаем, что может случиться, если попытаться влить в неё Силу.

Помолчав, посетовала:

– А я даже не успела задать вопросы про своего брата и про эту ведьму... Теперь неясно, когда можно будет с бабой Стешей снова поговорить.

Обратно девушки шли в молчании, думая каждая о своём.

Дойдя до ворот, Лера застыла напротив церкви: вокруг неё перекатывался фиолетовый туман, сквозь него были видны голубые жилки, словно вены. Они колыхались и закручивались, то устремляясь ввысь и смешиваясь с цветом неба, то опадали ниже, проходя сквозь стены храма и пропадая в глубине. От этой красоты перехватило дыхание. В увиденном было нечто величественное и чистое, будто глоток свежего воздуха из распахнутого окна в затхлой комнате. Переведя взгляд на ворота, Лера заметила, что от церкви по всей ограде голубые реки-вены сплетаются в сложный узор. Всё это живёт, пульсирует и перекатывается...

Внезапно зазвучали колокола. Хрустальный звон пронзил пространство. Фиолетового стало меньше, потоки голубого цвета устремились ввысь, а затем опали водопадом, окутывая все вокруг. Будто дождь в знойный день. Под впечатлением от увиденного Лера прикрыла глаза: так хотелось хоть на минуту продлить это благодное ощущение лёгкости и спокойствия.

– Ой! – услышала она где-то сзади и не спеша обернулась: возле ворот прямо на талом снегу сидел парень. Вокруг него были разбросаны какие-то коробочки, картон, листы бумаги. Видимо, он поскользнулся, упал и всё это выронил.

Зоя успела подбежать первой:

– Вам помочь?

И тут же, не дожидаясь ответа, принялась собирать. Парень неуклюже поднялся, отряхивая о рабочие штаны грязные руки, и покраснел. Его пшеничного цвета кудрявые волосы и россыпь веснушек на лице создавали впечатление, что ему нет и двадцати лет. Когда он выпрямился, Лера подивилась его росту: худой, долговязый, с большими руками, юноша на целых две головы был выше неё, хотя она считала себя достаточно высокой.

– Спасибо, – прогудел юноша басом, стесняясь своей неловкости. Лера отметила его смущённую мальчишескую улыбку. «Чудной какой-то», – подумала она.

– Не за что, – мило улыбнулась Зоя, – куда отнести?

– Что вы, не стоит, давайте я сам, – неуверенно ответил парень и покраснел ещё больше.

– Постоянно здесь падаю. Уже и песком посыпал, и снег соскрёб – прямо, колдовство какое-то! – добавил он.

– Пойдём, покажешь куда положить, не то снова всё разлетится, – Зоя словно не замечала, как он смущён её вниманием к себе.

– Вот сюда, в сторожку, прямо при входе. Я потом разберу, – парень махнул рукой в сторону домика, который стоял сразу у ворот кладбища.

– Ты сторож что ли? – удивилась Лера.

– Ну, да. А чем плох сторож? Любая работа хороша, а потом, я учусь ещё. Вот как доучусь, найду работу по своей профессии, – парень нахмурился: эта тема, видно, была для него не из приятных.

– Наоборот, круто! – воодушевлённо перебила Зоя.

– Вы так думаете? – парень недоверчиво сузил глаза.

– Конечно! Здесь так интересно, загадочно. Истории, страшилки там всякие – кладбище же! – решила подыграть Лера. Кажется, она поняла, куда клонит Зоя: неизвестно, сколько раз им придётся сюда наведываться, а водить дружбу со сторожем было бы удачей.

– Я будущий медик, потому не верю в страшилки и загробную жизнь, – гордо произнёс парень.

Когда все вместе они дошли до сторожки, вспомнили, что ещё не познакомились:

– Я Зоя, а это Лера, – представила девушка себя и свою подругу.

– Миша, – юноша, казалось, снова засмутился.

Лера заметила: когда Миша смотрел на Зою, он почему-то начинал смущаться и краснеть.

– Миш, скажи, здесь действительно ничего-ничего необычного не происходит? Ну, не может же на кладбище ничего не происходить! – спросила Зоя.

– Почему не происходит? Происходит. Вот, пару недель назад я наряд полиции вызывал – они каких-то сатанистов отсюда увезли. Со стороны трассы забор низкий – лезут все кому не лень. Потом... вот калитка клинит постоянно. Днём нормально туда-сюда открывается, а как сумерки спускаются, так не работает. Два раза уже смазывал. Вот это чудеса! – отшутился Миша, открыв дверь сторожки.

Внутри помешался стол, заваленный книжками и тетрадками, стояла узкая кушетка, на полочке-маленький телевизор. Зоя сгрузила бумажный хлам на пол у двери и мечтательно вздохнула, желая продолжить начатый разговор.

– Мне кажется, если бы я пришла ночью на кладбище, то обязательно случилось бы что-нибудь мистическое.

– Приходи, покажу, как калитку клинит, – усмехнулся в ответ парень.

– Правда? – Зоя захлопала в ладоши. – Давай бумагу и карандаш – я тебе номер свой напишу.

Миша замешкался, тогда Зоя смело подошла к столу, взяла карандаш и записала прямо на обложке одной из тетрадок.

– Ну, до встречи, – помахала она растерявшемуся юноше и вышла из сторожки. Лера послушно последовала за ней.

Когда девушки отошли достаточно далеко, Зоя спросила:

– Как думаешь, я ему понравилась?

– Мне кажется, да. Всё-таки ты ловко придумала – познакомиться со сторожем! Вдруг нам надо будет на кладбище ночью пойти, – отозвалась Лера.

– Эээ... Вообще-то, я и не думала об этом, – протянула Зоя, и её лицо порозовело.

Лера была удивлена – она не ожидала такой реакции со стороны подруги.

«Неужели этот несуразный, долговязый юноша может понравиться такой красотке как Зоя?»

– Интересно, он позвонит? – спросила та и стушеввалась.

– Обязательно позвонит. – уверила Лера подругу, а про себя подумала: «Действительно, никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь».

Они не спеша шли по городу. Лера предложила остаться у неё, и Зоя не стала отказываться. Несмотря на мокрую снежную кашу под ногами, брести по улице было приятно: во всём чувствовалась весна – в запахах, звуках, суете сновавших туда-сюда прохожих... Девушки, казалось, не могли наговориться, наперебой рассказывая друг другу какие-то истории. Попутно Лера проводила для подруги экскурсию по родному городу:

– Вот рынок. Представляешь, каждые выходные приходилось идти сюда закупать продукты. Мы с Максом всегда помогали маме тащить сумки. Ничего скучнее и хуже этих походов я вспомнить не могу: одна очередь за овощами, вторая очередь за мясом, третья – за сладостями... Особенно трудно бывало зимой: мороз, холодно, а приходилось мёрзнуть в очередях. Сегодня совсем не то: зашёл в тёплый магазин, взял тележку, раз-два и готово!

А там, за рынком, видишь, жёлтые дома? Я их жильцам в детстве очень завидовала: мне сумки через полгорода тащить, а им – только из дома выйти: всё купили и быстро вернулись. Завидовала, пока не попала однажды в одну из этих квартир. Жуть страшная! Клопы, тараканы, плесень, грязь... В подъезде цыганские дети толпой сидят: кто курит, кто пиво пьёт, а им и пятнадцати лет не было. Только тогда поняла, почему мамка отмахивалась, когда ей предлагали в тот дом переехать.

А вот за ними, левее, высотка одна-единственная стоит, видишь? Это и есть тот дом, где живёт девочка, к которой Пузырь присосался.

– Пройдём мимо него? – предложила Зоя.

– Пойдём, правда круг до дома небольшой получится, – отозвалась Лера.

– Ну и что, всё равно гуляем, – пожалала Зоя плечами.

Подойдя ближе, девушки услышали крики:

– Убери отсюда это! Чего помойку развела? Собаки растаскивают, гадят, дети носятся, таскают, а она несёт и несёт, – какая-то бабка зло отчитывала девочку лет двенадцати. Худенькая, как тростиночка, в клетчатом пальтишке, которое явно ей было маловато, девочка стояла с опущенной головой и теребила в руках несуразного розового зайца:

– Вам жалко, что ли? – бросила она с вызовом.

– Жалко дворника, который убирает за тобой! Если сама не уберёшь, я всё выкину, поняла, Лиза? – не унимались дотошная старуха.

– Дверь тебе подожгу! – крикнула девочка, не обращая внимания на её причитания, повернулась и побежала к подъезду.

Зоя дёрнула Леру за руку, и они бросилась вслед за девочкой.

– Пап, это я, – негромко произнесла девочка, когда в домофоне раздалось хрипкое басистое «да».

– Чего шляешься туда-сюда? Ключи надо брать! – донеслось в ответ, но дверь запиликала и открылась. Лера и Зоя проскользнули следом...

Девочка заторопилась в сторону лифта, а Зоя, как только подруги оказались внутри, сразу же направилась к почтовым ящикам.

– Ты что делаешь, – зашептала Лера, – если бабуля пойдёт следом, что скажем? Как объясним, зачем мы здесь?

– Не дрейфь, видела девочку? Это же дочка Любаши! Заметь, не просто так мы на неё наткнулись, значит, надо подумать, что можем сделать, – спокойно ответила Зоя, достала из сумочки пилочку и начала что-то подковыривать внутри почтового ящика.

– А ящик ты зачем ковыряешь? – шёпотом спросила Лера, озираясь по сторонам.

– Видела номер квартиры, которую Лиза набрала? А это её почтовый ящик. Смотри, как много там всего. Возможно, есть квитанция. Если на её папу оформлена, значит, узнаем, как его зовут, – разъяснила Зоя и победно достала конверт. – О, это даже лучше, чем квитанция! Письмо!

– А зачем нам знать, как его зовут? – Лера было в недоумении.

– А затем, что надо его на кладбище заманить. И я, кажется, придумала, как это сделать! – Зоя распаковала письмо и прочитала: «Задолженность за квартиру. Николаю Александровичу...». Прекрасно, пошли!

Лера уже было хотела отговорить Зою, но подъездная дверь запиликала, и девушка решила, что двигаться внутрь всё же безопаснее.

Поднимались по лестнице, сверяя номера квартир. Нужная оказалась на седьмом этаже. Зоя уверенно нажала на кнопку звонка. Через какое-то время дверь распахнулась и девушки увидели заплаканное лицо Лизы. Щека её пылала. За девочкой стоял тяжело дышавший отец. Он был изрядно пьян. В квартире ощущался стойкий запах перегара.

– Вам чего? – опередил мужчина Лизу.

– Нам нужен Николай Александрович, – деловым тоном произнесла Зоя и лучезарно улыбнулась.

– Ну, это я. Чего надо? – зло выдавил он. Лиза, воспользовавшись ситуацией, исчезла в комнате за дверью.

– Мы из социальной организации, – нисколько не смущаясь, врала Зоя, – сейчас семьи, потерявшие кормильца, получают компенсационные выплаты для улучшения памятного надгробия умершего родственника.

– Чего? – удивился мужик, силясь понять, что хотят от него эти две незнакомые девушки.

Из глубины квартиры нетвёрдыми шагами, чуть пошатываясь, вышла женщина. У неё было неестественно красное опухшее лицо, усыпанное рытвинами от прыщей. Нарисованные синим тонкие брови задраны аж до середины лба. Кофта открывала вид на обвислую грудь.

Джинсы, облепившие необъятные телеса, держались из последних сил и являли собой жалкое зрелище. «Мадам» ещё не успела подойти, а запах алкоголя уже ударил в ноздри. Лера видела, что Зоя прикладывает усилия, чтобы не скривиться и не выдать себя.

– Бабло тебе дадут, Коленька! – довольно произнесла женщина гнусавым голосом.

– Правильно говорю? – обратилась она к девушкам и поднесла своё лицо почти вплотную. Лера почувствовала, что у неё перехватывает дыхание.

– Ну, давай бабло, раз положено, – расплылся в кривой улыбке мужик. – Вот он я, Николай Александрович! Кто же от бабла откажется, да? – он протянул руки к Зое, но та отшатнулась.

– Я же не в сумке их ношу, уважаемый! Пройдите и получите. Мы отправляли письма нашим подопечным, а вы не явились. Вот нас и послали передать информацию устно, – будто с сожалением пояснила Зоя.

Николай нахмурился:

– И куда идти? В эту, как её... соцзащиту, что ли?

– Нет, идти нужно на кладбище. Если не станете медлить и прямо сейчас пойдёте, можете успеть. В следующий раз получить можно будет только в июне, – Зоино враньё было очень убедительным.

– А чё на кладбище? Ерунда какая-то! Разводилово! – тут же завёлся мужик и сжал кулаки. Ситуация могла выйти из-под контроля.

Решительным тоном, подчёркивая важность их миссии, Лера постаралась закрепить Зоин успех:

– Уважаемый Николай Александрович! Это выплата на памятник. Так? Значит, комиссия должна оценить, есть потребность в улучшении или нет. Может, вы там склеп из мрамора уже отгрохали. Тогда комиссия скажет, что вам доплата не положена. Поэтому её представители и ходят по кладбищу. Вы должны явиться к могиле своего родственника, и в вашем присутствии комиссия подпишет протокол: нужно ли облагородить надгробие и на какую сумму.

Лера удивилась сама себе: говорила почти как заправский соцработник.

– А много дают? – перебила женщина.

– Ну, всем по-разному, – Лера вошла во вкус. – Кому пятьдесят тысяч, кому сорок – зависит от того, в каком состоянии находится захоронение. Только надо постараться успеть: через час-другой комиссия оттуда, скорее всего, уже уйдёт – будете ждать июня.

– Давай, собирайся, дурень, пошли! Сейчас баблишка сострижём, Гарику долг закинешь и на поляну метнуть хватит! – разгорячилась женщина, но тут же осеклась. – Ну, то есть, жёнущке своей любименькой память организуешь...

Она покосилась на девушек, но те сделали вид, что разглядывают стены.

– Катька, не знаю, мож, ну это на фиг. Развод какой-то! Когда это бабло просто так раздавали? – Николая раздирали сомнения, но деньги получить очень хотелось.

Внезапно в глубине квартиры послышался надрывный кашель.

– Это кто у вас? Инвалид? Пенсионер? – осведомилась Зоя.

– Мамка моя. Инвалид и пенсионер, – отмахнулся Николай.

– Почему у нас её нет в графике реабилитации? – строго спросила Зоя.

– А это ещё что? – не понял Николай и собрал складки на лбу.

– Это когда бабок бесплатно в санаторий везут! – блеснула знаниями Катька.

– На фига ей санаторий? Она не сегодня – завтра дубу даст. Вон, уже лежачая... убирай за ней, – нахмурился Николай.

– Ты её сдаёшь, а там за ней уход. А пенсия на карточку так и капает, – снова вставила хитрая Катька.

– В общих чертах так и есть, – кивнула Зоя. – Можем мы к ней пройти? Необходимо выяснить, возможна ли транспортировка в обычном авто или понадобится заказывать спец-транспорт.

Николай почесал голову и пошёл по коридору, махнув всем следовать за ним. Видимо, вариант сдать бабулю в чужие руки ему понравился.

– Мам, тут к тебе эти, социальные защитницы, – представил он девушек.

– Колька, пошли быстрее, опоздаем, – крикнула из коридора Катерина, и мужик засеменял собираться.

Комната была в плачевном состоянии. Вместо люстры висела засиженная мухами лампочка, давно не мытые окна почти не пропускали свет. Старый, покосившийся сервант без дверок был заставлен бутылками и забит мусором. Кровать, с пожелтевшим от времени несвежим постельным бельём, напоминала гроб. На ней – крохотная старушка, больше похожая на мумию. У Леры в груди сжалось сердце от острого чувства жалости.

Бабушка снова зашла в кашле. В это время хлопнула входная дверь – Николай с Катей ушли, а из коридора тут же возникла Лиза:

– Вы не из соцзащиты! – она недоверчиво смотрела на девушек и старалась держаться на расстоянии.

– С чего ты взяла? – улыбнулась ей Зоя.

– Непохожи вы на социальных работников! – уверенно произнесла девочка.

«Удивительно взрослая для своих лет», – подумала Лера, а вслух сказала:

– А что если мы поможем? Как ты на это посмотришь?

– Чем вы сможете помочь? Выгоните отца и выложите бабушку? – в голосе Лизы звучала глухая безнадёжность.

– Именно так и сделаем, – легко ответила Зоя.

– Не верю! – девочка сердилась.

– А ты проверь, – пожалала плечами девушка. – Принеси стакан воды.

– Хорошо, – ответила Лиза с вызовом, недоверчиво оглядела Зою и пошла на кухню.

– Зачем тебе вода? – тихо спросила Лера.

– Не знаю, в фильме одном видела, как ведуньи воду заряжают для лечения. Сейчас попробуем, – также тихо отозвалась Зоя.

Тем временем Лиза вернулась и протянула грязную кружку с отколотой ручкой. Девушка взяла её в руки и прикрыла глаза. Лера настроилась и увидела, как с пальцев Зои стекает фиолетовый густой туман и мешается с водой, как гуашь.

– Достаточно! – остановила Лера, когда цвет начал темнеть.

Зоя открыла глаза, подошла к кровати бабушки и поставила кружку на колченогий табурет рядом:

– Здравствуйте, я из соцзащиты. Вам надо попить воды, и станет легче, а потом мы поговорим.

Бабушка открыла глаза, чуть приподнялась с подушки и безропотно протянула руку за стаканом. Пока старушка пила, на её шее Лера заметила чёрный след, будто душили:

– Что это? – обратилась она к Лизе.

Та нахмурилась, но ответила:

– Папка...

Лера тряхнула головой. Теперь ей хотелось догнать его и содрать Пиявку прямо в подъезде!

Тем временем бабушка допила воду. Сразу заметно порозовела кожа, утих кашель. Старушка даже попыталась сесть в постели:

– А чего соцзащита-то пришла? Проверить, не померла ли?

– Наоборот. Мы здесь с программой реабилитации, – ответила Зоя.

– Это как же? – заинтересовалась бабушка.

– Мы сведения собираем: кому помощь нужна, к кому врача направить. Спрашиваем, чем помочь, может, в санаторий путёвку выдать. Потом информацию передаём выше, а там уже решают, куда направить. Мы посмотрели, в каких условиях вы живёте, как родственники за вами ухаживают, есть ли продукты, еда. Как нам ответ будет, я ещё раз зайду, хорошо?

– Ну, санаторий не по мне. Я встать уже не могу. Скоро время моё совсем выйдет, – посетовала Лизина бабушка.

Зоя наклонилась к ней близко и доверительным тоном негромко произнесла:

– А если с Николаем Александровичем что-то случится, что с девочкой будет? В детском доме – жизнь не сахар. Нельзя вам на тот свет! Надо Лизу на ноги поставить, а потом уже собираться.

На глазах у бабушки появились слёзы:

– Да что я могу? Старая, немощная, уже и за собой-то ходить нет сил. Какой из меня воспитатель?

– Я помогу. Только вы сами тоже постараетесь. Лекарство выпили, стало легче? – спросила Зоя.

Бабушка в ответ закивала:

– Да, как будто руки и ноги легче стали!

– Вот, теперь надо ноги и руки разрабатывать, чтобы кровь по организму гуляла. Нужно вставать потихоньку, больше двигаться. Я зайду попозже и лекарство принесу. А пока санаторий буду подыскивать. Надо, надо ради Лизы очень постараться на ноги встать. Договорились?

Бабушка в ответ опять закивала и расплакалась:

– Дай бог здоровья вам, девочки, – послышалось вслед.

Зоя направилась к выходу, кивнув Лизе:

– Проводишь нас?

Лиза изумлённо хлопала глазами:

– К-к-конечно!

Подойдя к входной двери, она не выдержала:

– Бабушка не выглядела так хорошо уже много месяцев. Я вижу, ей и правда лучше! Вы что, вылечили её?

– Боюсь, что нет, – грустно ответила Зоя, – этот эффект долго не продлится, но я думаю, что смогу помочь. Точнее, знаю место, где могут помочь. Мне надо туда сходить, кое с кем договориться, а потом придумать, как доставить твою бабушку. Вижу, ты девочка взрослая, смыслёная – уже всё понимаешь. Я хочу сказать тебе кое-что очень важное. Твой папа, возможно, сегодня домой не вернётся. Его могут забрать в больницу, где будут лечить, чтобы он стал нормальным. Тебе же нужно очень постараться всё делать правильно: хорошо учиться, не пропускать школу, следить за порядком, убираться в квартире, помогать бабушке. Я надеюсь, мы успеем её подлечить. Ещё, Лиза, придётся делать вид, будто папа твой дома, чтобы никто ни о чём не догадался, согласна?

– Иначе, придёт опека..., – словно заканчивая Зоину мысль, медленно выговорила девочка.

– Вот видишь, ты понимаешь, так что держись – скоро всё наладится!

– Знаете, я рада буду, если папу заберут, – тихо и грустно сказала Лиза, прикоснувшись к своей пылающей щеке.

– Милая, он хороший, просто болеет. Постарайся не злиться, – Зоя сочувственно погладила её по плечу. – Хочешь, я тебе тоже водички дам?

Лиза отрицательно покачала головой:

– Вы лучше приходите и бабушке ещё дайте.

– Договорились, я ещё зайду. Меня Зоей зовут.

Лиза кивнула и впервые улыбнулась. У Леры отлегло от сердца: хоть чем-то смогли помочь этому несчастному ребёнку.

Когда за ними закрылась дверь, Лера спросила:

– Зоя, что за план у тебя созрел?

– Помнишь, тётя Наташа говорила, что ходит в какой-то центр, чтобы восполнить потраченную Силу. Мне кажется, если мы сможем туда привести Лизину бабушку, её там на ноги поставят. Она же не болеет, её просто «выпили» до дна. Я не знаю, сколько можно воды этой давать, ведь она мёртвая – вдруг бабушка тоже голоса слышать начнёт.

– Да, неплохая идея, – задумчиво произнесла Лера, – а я, пожалуй, знаю, куда нам сейчас заглянуть, чтобы получить этот адрес.

Через некоторое время подруги стояли в раздумьях перед новенькой дверью – на звонок никто не отвечал.

– Наверное, дома никого нет. Может, лучше попросим у твоей мамы телефон и позволим? – предложила Зоя.

– Странно, что их нет... Вчера тётя Наташа сказала, что останется здесь. Неужели не успели? – от этой мысли внутри у Леры похолодело.

Зоя открыла рот, чтобы ответить, но дверь перед ними распахнулась, и на пороге оказалась знакомая хозяйка квартиры. Синие круги под глазами стали чёрными, лицо было каким-то безжизненным, а сама она едва держалась на ногах.

– Тётя Наташа здесь? – спросила Лера.

Женщина только кивнула, развернулась и скрылась в глубине квартиры. Из комнаты девочки вышла тётя Наташа. Лера из коридора поманила её к себе.

– Ты что, не зайдёшь? – устало спросила та и потёрла глаза. Вчерашний макияж щедро осыпался тушью.

– Не могу. Мне сюда нельзя, – ответила Лера, не зная, как объяснить сейчас, вот так с ходу, предостережение бабы Стеши.

– Узнала что-то? – в глазах у Наташи блеснула надежда.

– Пойду приготовлю девочкам по коктейльчику, – весело пропела Зоя и смело вошла в квартиру, пока тётя Наташа искала тапочки, чтобы выйти в подъезд.

«Зоя удивительная девушка! Как же мне повезло её встретить», – в который раз подумала Лера.

– Что девочка? – спросила она, попутно решая, как рассказать о том, что удалось узнать.

– С Настей плохо. Ночью были судороги. Она уходит, и моей Силы не хватает, чтобы удержать. Пришлось просить мам Веру поделиться Силой. Мы обе очень устали...

– Зоя поможет, – попыталась успокоить Лера. – Вот в общих чертах, что мы узнали: эту... тварь называют Пузырь. Это мёртвый, которому дали клятву при жизни и не исполнили её. Смерть пришла к человеку в большой обиде. Поэтому он явился истребовать клятву. Но не нашёл того, кто её дал. Такое бывает только в случае, если тот, кто клялся, умер раньше. Поэтому тварь забирает самого младшего из рода. Видимо, это как раз Настя...

Тётя Наташа задумалась:

– Знаешь, звучит ужасающе, но на свете бывает всякое. Пока это наша единственная зацепка, так что выбора нет. Что нужно сделать?

– Только привести того, кто дал клятву, – медленно произнесла Лера и поняла, что боится следующего вопроса.

– А как привести, если тот уже умер? Откопать, что ли? – лицо тёти Наташи скривилось – она, наверное, представила себе эту «картину».

– Не совсем... – Лера замялась. Рассказывать подробности не хотелось, но выбора не было – на кону стояла жизнь Насти.

– Понимаете... Бывает такое, что человек умер, но его... душа, ещё здесь. И если это так, её можно привести... Пузырь – то сюда как-то попал.

– Как мы поймём, где его душа, даже если узнаем кто это? – допытывалась тётя Наташа.

– Когда я узнаю, где его могила, смогу поговорить с ним. Если он, конечно, ещё не усоп, – глядя в пол тихо ответила Лера.

– Ты слышишь мёртвых!? – будто на полувздохе вымолвила Наташа, молитвенно сложив у лица ладони.

– И вижу, – скромно дополнила девушка.

Несколько минут обе молчали.

– Детектив какой-то выходит: найти мёртвого, который дал клятву. Та ещё задачка! – тётя Наташа, подбоченясь, прошлась взад-вперёд по коридору

В дверях показалась Зоя. Она держала в руках поднос, на котором стояли два стакана с водой. Следом шла Вера, мама Насти.

– Лера? – Зоя поставила поднос на подоконник и уже держала в руке первый стакан. – Как тебе?

– Достаточно, – дождавшись яркой окраски жидкости, отозвалась Лера.

Когда тётя Наташа и Вера выпили содержимое своих стаканов, Зоя спросила:

– Ну, какие ощущения?

– Удивительно, будто выпалась! – первой откликнулась мама Вера.

– Как после недели в реабилитационном центре! – радостно подтвердила тётя Наташа.

– Кстати, о Центре. Как мне туда попасть? – Лера решила спросить прямо.

– А я тебе говорила, что адрес просить будешь? – подмигнула женщина. – А зачем тебе туда? Вон у тебя какая водичка живая.

– В том-то и дело, что не живая, а мёртвая. Силу восполняет, у кого на доньшке, но много нельзя, иначе плохо будет, – ответила Зоя за Леру. – Это мне адрес нужен! Хочу бабулю одну на ноги поставить – «высосали» её.

– Хорошо, я узнаю и скажу вам. Не всех туда берут, но я замолвлю словечко, – кивнула тётя Наташа.

– А можно Настеньке моей стаканчик? Вдруг ей полегче будет? – вмешалась в разговор Вера.

Зоя обернулась к Лере:

– Я не знаю, честно говоря.

– И я не знаю, – Лера пожала плечами. – Ей может стать хуже. Сложно предугадать, как Пузырь на мёртвую воду отреагирует.

– Какой Пузырь? – заморгала Вера испуганно.

Тётя Наташа решила объяснить сама:

– Вер, мы тут одну теорию проверяем. Если она окажется правильной, то Настя быстро поправится. Для этого тебе надо понять или вспомнить, кто из твоих умерших родственников клятву дал и не исполнил. Поверь, это очень важно!

Не задавая больше никаких вопросов, Вера стала рассказывать:

– Мои мать и отец живут в деревне. Они познакомились ещё в школе и поженились, как только им по восемнадцать исполнилось. Живут душа в душу. Нас, детей, у них шестеро.

– А дедушки и бабушки? – уточнила Зоя.

– Все, слава Богу, живы и здоровы, – ответила Вера.

Женщины снова помолчали. Было непонятно, как искать давшего клятву. И тут Леру осенило:

– А Настин папа, он где?

– Он нас...оставил, – замялась Вера.

Тётя Наташа положила руку ей на плечо:

– Понимаю, тебе больно и неприятно об этом говорить, но это наш шанс. Надо постараться вспомнить всё, что ты знаешь.

У Веры в глазах блеснули слёзы:

– Мы познакомились шесть лет назад. Чуть ли не с первого свидания он мне сказал, что хочет ребёнка: «Родишь мне, все богатства мира к твоим ногам брошу!» Согласилась. Я же приехала учиться и всё по съёмным квартирам скиталась. А тут Никита, такой галантный, обходительный. Узнал о моей беременности – квартиру купил. Настя родилась

– ремонт затеял. Всё было так хорошо! Сказка закончилась, когда дочери три года исполнилось. Ровно после её дня рождения он нас и бросил – к жене бывшей вернулся. С тех пор моя девочка болеть начала, всё хуже и хуже ей становится. Врачи руками разводят и диагнозы ставят: то один, то другой.

– Он ничего не рассказывал? Ну, про клятвы какие или, может, про родителей своих? – Наташа взяла Веру за плечо.

Та покачала головой:

– Он говорил, что родители считали его неудачником, всегда в пример старшего брата ставили. Мол, тот всего добился, а у Никиты только гулянки да мотоциклы на уме. Поэтому, как только на ноги встал, он из дома ушёл. Папа его умер, но Никита даже на похороны не пошёл. Говорил, что «при жизни не хотел видеть, так в гробу и подалее». Мама, кажется, живёт где-то у нас в городе.

Не знаю, имеет ли это отношение к нашему делу, но однажды он сильно напился и плакал: «Не хочу тебя терять! Если б не ведьма, навек с тобой бы остался, но она живым не отпустит». Я тогда только-только Настю родила. Подумала, что у него «белочка» от счастья... Потом годы прошли, как-то забылось.

– Если без ведьмы не обошлось, значит, точно корень проблемы где-то там, – заметила тётя Наташа.

– А что это за ведьма? – Лера почувствовала, что есть ниточка, за которую стоит ухватиться.

– Она сама себя так называет, – Наташа на миг задумалась, чуть наморщила лоб. – Цыганка она, Донкой зовут. Живёт здесь недалеко, у рынка. К ней всегда толпа стоит: кому гадают, кого привораживает, на кого порчу наводит. Только магия у неё злая, чёрная. Гадалка ничем не брезгует: то землю кладбищенскую даст, чтоб под порог насыпать, то волосы у покойника срежет. Думаю, Никита про неё говорил.

«Цыганка, как из моего видения про Макса!», – заволновалась Лера.

– Никитина жена живёт у рынка. Я их видела как-то, они в жёлтый дом заходили, да и машина его часто там стоит, – подтвердила Вера.

– А у них дети есть? – спросила Зоя.

– Да, мальчик. Жена никак выносить не могла, много раз детей теряла. Потом родила хилого и болезненного ребёночка. Ему годика три было, когда мы познакомились. Никита сказал, что не может без слёз на него смотреть. Они по врачам с рождения его таскали: то одно заболит, то другое, – вздохнула женщина. – Хотите сказать, – голос её задрожал, – что он со своего сына на мою Настю болезнь перекинул?

– Ну, не совсем он и не совсем перекинул, но такое возможно, – чуть помедлив, ответила тётя Наташа.

– Это что же? Он специально искал, кто ему ребёнка родит? Для этого он меня использовал? – Вера не могла сдержать слёз. – Ещё квартиру на меня записал! Я ему – зачем? Ты же её купил! А он: «Так справедливо будет». Выходит, заплатил... Чтобы я своего ребёнка похоронила... Но ведь это и его ребёнок...

Несчастливая женщина уже рыдала в голос. Лера подошла к ней очень близко, резко встряхнула за плечи, чтобы привести в чувство, и жёстко сказала, словно отрывая каждое слово:

– Никого ещё не похоронили. Ещё поборемся, слышишь? Не время руки опускать!  
Вера часто закивала, потом глубоко вздохнула и отёрла слёзы:

– Говорите, что нужно делать!

– Сначала надо придумать, как Настю поддержать, пока мы решаем эту... загадку. Придётся рискнуть. Сейчас будем, как в сказке, живую и мёртвую воду изготавливать. А потом поить по очереди одной и второй. Вера, носи стопки! Наша коктейльная вечеринка переходит на «шоты», – Лера вдруг почувствовала твёрдую уверенность и решимость.

Когда стопки с водой стояли на подносе, она дала первую Зое, а вторую – тётке Наташе. Вода в Зоинной стопке быстро стала густого фиолетово-чёрного цвета. В стопке у тёти Наташи она окрасилась в голубовато-сиреневый. Довольная результатом Лера хотела дать команду идти к Насте, но внезапно ей в голову пришла другая мысль:

– Погодите, дайте я кое-что попробую, а потом продолжим.

Она взяла обе стопки и вылила в один из стаканов на подносе. Вода стала голубой. Такой же, как реки-вены возле церкви! Повинуясь внезапно озарившей её догадке, Лера залпом выпила стакан и посмотрела на свои руки. К привычному фиолетовому цвету добавился голубой ободок.

«Так вот как это делается!» – подумала она и попросила Веру принести ещё воды.

Женщина вернулась с кувшином.

– Не совсем пока понимаю, что происходит, но, по-моему, вода – важный элемент, – заключила Вера.

– Лер, может, расскажешь, что это было? – так и не дождавшись вразумительных объяснений, потребовала Зоя.

– Помнишь, ты спросила у бабы Стеши, почему мёртвые с кладбища уйти не могут? Она ответила, что надо мне на церковь посмотреть. Я и посмотрела, как раз перед тем как Миша упал, – Лера отметила, что при упоминании о Мише щёки Зои покрылись лёгким румянцем, и хмыкнула про себя.

– Так вот, стены и ограда светились голубым цветом. Тогда я удивилась тому, что увидела: как получается этот голубой цвет? А сейчас поняла – это граница мира мёртвых и мира живых. У тебя, Зоя, Сила мёртвая, – Лера покосилась на остальных: тётя Наташа приподняла бровь, а вот от Веры реакции не последовало – для неё происходящее было итак слишком безумно, чтобы ещё больше удивляться.

– А у тёти Наташи, – продолжила Лера, – Сила живая. Моя догадка подтвердилась: цвет получился голубой. А значит, на какое-то время у меня будет защита от Пузыря, как забор на кладбище. Ведь баба Стеша сказала, если он меня коснётся, лягу рядом с Настей. Кстати, моя учительница рисования была бы крайне удивлена, если бы узнала, что получить голубой цвет можно, смешивая разные оттенки фиолетового, – усмехнулась Лера.

– Теперь пойдём к Насте и дадим ей выпить из двух стаканов. Думаю, это на какое-то время защитит и её, – закончила свою мысль Лера.

– Может, смешаем? Как тебе. – спросила Зоя.

– Лучше по отдельности, чтобы я посмотрела, как Пузырь на мёртвую воду реагировать будет.

Зоя и тётя Наташа взяли по стопке, за ними шла Лера, позади – мама Вера. Такой странной процессией они двинулись в квартиру.

– Настенька, милая, просыпайся, надо лекарство выпить, – мама девочки тихонько провела ладонью по её личику.

Настя открыла глаза, отсутствующим взглядом посмотрела вокруг. Выглядела она совсем плохо: кожа настолько бледная, что казалась синей, опухшие красные глаза; обветренные и потрескавшиеся губы дополняли нерадостную картину.

Лера перевела взгляд на Пузыря. Бесформенная туша висела под потолком и пока никак не реагировала на присутствующих.

Тем временем Вера приподняла Настю и влила ей в рот воду из Зоиной стопки. Пузырь пришёл в движение, мерзкая коричневая пуповина запульсировала. Казалось, он пытается быстрее сожрать внезапное угощение. Пухлые чёрные губы разомкнулись, опухший язык вывалился изо рта. Девочка застонала.

– Тётя Наташа, вливай быстрее свою! – выкрикнула Лера.

Женщина поняла: что-то идёт не так. Она быстро подложила свою руку под голову Насти и дала ей выпить воду из своей стопки.

Несколько секунд Пузырь по инерции глотал через пуповину. Затем раздался пронзительный визг. Люстра задрожала и зазвенела. Дрогнули стёкла в окнах, стопка в руках Веры разлетелась на мелкие осколки. Туша на потолке перекатилась в дальний угол, продолжая визжать и извиваться. Пуповина натянулась, со шлепком оторвалась от Насти, а потом исчезла в недрах необъятного раздутого живота. Тварь затихла и почернела, только выпученные глаза бешено вращались, пытаясь высмотреть что-то или кого-то...

– Мы его убили? – приглушённо проговорила Зоя, глядя туда же, куда и Лера, но ничего там не увидела.

– Нет, не убили, но от девочки он отстал. Скорее всего, не навсегда, а только на время. Но и это уже что-то.

– Мам, я пить хочу, – послышалось тихонечко из кровати.

Вера вскочила и побежала на кухню. Лера тем временем осмотрела девочку. Силы в ней почти не осталось, лёгкие, прозрачные сиренево-фиолетовые крупинки, да и только.

Лера перехватила стакан у Веры, когда та вошла:

– Зоя, давай повторим.

Та кивнула и взяла стакан. Настя выпила половину, присела повыше и допила с жадностью остальное:

– Мам, я есть хочу!

Вера разрыдалась:

– Я так рада, милая! Давай я тебя на ручки возьму, в кухню на диванчик отнесу и покормлю, а то здесь осколки – нужно прибраться.

– Мам, ты чего плачешь? – спросила Настя.

– Просто очень рада, котёночек мой, что ты попросила поесть, – ответила Вера, изо всех сил пытаясь сдержать слёзы.

– Если ты этому так рада, то я каждый день буду просить есть, – девочка протянула маме тонкие ручонки.

– Договорились, ловлю тебя на слове. Чтобы каждый день ела! – ответила Вера, беря дочку на руки. Она обнимала её, зарываясь в волосы, вдыхала детский запах и гладила, гладила тёплыми ладонями... У остальных тоже на глазах показались слёзы.

– Пойду, возьму веник, подмету пол, – стараясь спрятать свои чувства, деловито проговорила тётя Наташа.

Когда она ушла, Зоя спросила у Леры:

– Почему ты видишь его, а я нет? Ведь бабу Стешу я вижу!

– Сама не знаю, – пожала плечами Лера. – Мне тоже непонятно. Может, ты смотреть просто не умеешь? – догадалась она и взялась объяснять так, как учила её Стеша. Но у Зои так ничего и не вышло.

– Надо у нашей бабули спросить, – огорчённо произнесла девушка.

– Только когда теперь мы с ней поговорим? – посетовала Лера, и обе задумались.

Довольная, улыбающаяся мама Вера вернулась в комнату:

– Настёна ест печенье! Спасибо вам! Вы нам так помогли! У меня слов не хватает, чтобы выразить, как я благодарна!

– Пока рано, надо придумать, как оставшуюся часть загадки решить, – вздохнула Лера. Хотя ей самой было очень радостно, что девочке стало лучше.

– А чего долго думать? Надо идти к Никите домой, припереть к стенке и всё выяснить, – заявила вошедшая с веником тётя Наташа.

– Во-первых, мы адреса не знаем, а во-вторых, зачем ему нам признаваться? – не согласилась Лера.

Повисло молчание... Никто не мог придумать, как заставить Никиту всё рассказать.

– Давайте всё как следует обдумаем, потом снова встретимся и обсудим возможные варианты. Уже поздно, мне нужно идти домой – мама сегодня в ночную смену работает, хочу её проводить, – Лера выглядела усталой.

– Если станет хуже, звоните, – Зоя тоже стала прощаться.

Следом засобиравалась и тётя Наташа:

– Справишься без меня, Вер? Пойду и я – отдохнуть, переодеться...

Мама Вера кивнула и заулыбалась. Было видно, что им с дочкой сейчас никто не нужен. Сегодня они прекрасно проведут время вдвоём.

Договорившись созвониться, все разошлись.

\*\*\*

Большую часть дороги девушки молчали. Каждая думала о своём. Лера мысленно пыталась найти решение оставшейся загадки.

Они пришли домой, когда мама Римма уже собиралась на работу:

– Вот и хорошо, что вы пришли. Я ужин приготовила, на плите стоит. Расскажите, как всё прошло, пока у меня есть пара минут?

Лера пересказала события сегодняшнего дня, но удручённо заметила, что пока не знает, как поступить дальше.

– Ой, да это самое простое! Иди на кладбище да спроси у любого, где нужна могилка. Там одна большая деревня, там все друг про друга знают. Вот, у Любаши той же, – легко отмахнулась мама.

Девушки от удивления вытаращили глаза:

– Тётя Римма, а вы откуда знаете? – изумилась Зоя.

Мама немного смутилась:

– Да, люди везде одинаковые, хоть мёртвые, хоть живые. Я просто предположила. В конце концов, можно попробовать – хуже не будет.

– Ну да, в этом есть резон, – согласилась Лера. – Ещё надо узнать, приходил ли Николай на кладбище и что там произошло.

– Я совсем не против туда сходить! Как думаешь, Миша завтра работает? – быстро проговорила Зоя и снова вспыхнула.

– Ну и дела... – протянула Римма, увидев её реакцию. – Так, девочки! У меня всю неделю ночные смены, так что завтра приду, посплю и, если хотите, то пойду с вами.

– Нет, не надо, мам. Мы справимся. – ответила Лера.

– Всё, убегаю, опаздывать нельзя! Пока, до завтра, – Римма поцеловала дочь в щёку и быстро вышла.

– Лера, а твоя мама всегда такая? – глядя на захлопнувшуюся дверь, спросила Зоя. – Ну, так легко всё воспринимает? Моя бы, наверное, после первого же приключения за сердце схватилась и больше бы никогда меня из дома не выпустила.

– Знаешь, я уже в детстве думала, что моя мама непохожа на остальных. Иногда она так спокойно ко всему относится, что может показаться – ей всё равно. Но это не так. Она очень

меня любит и всегда поддерживает. И ещё: никогда не пытается меня воспитывать, останавливать или отговаривать от какого-то безумного шага, – с теплотой в голосе ответила Лера.

Зоя слегка пожалала плечами, понимающе улыбнулась и направилась на кухню:

– Пошли – пожуём что ли, а то маковой росинки с утра во рту не было.

За беседой они засиделись на кухне до глубокой ночи, обсуждая всё на свете. Подругам было хорошо и спокойно вместе. У Леры возникло чувство, будто она знает Зою много лет...

Утро выдалось пасмурным и ненастным. Девушки проснулись ближе к обеду и долго валялись в кроватях, пока не зазвонил домашний телефон. Лера быстро встала и побежала отвечать, чтобы не разбудить маму после её ночной смены.

– Алло, – Лера прикрыла трубку рукой.

– Здравствуй! Это тётя Наташа. Насте снова стало хуже. Видно, надолго нашей Силы не хватило. Надо срочно что-то придумать, – перешла она сразу к делу.

– Мы, кажется, придумали, – неуверенно начала Лера, – пойти на кладбище и спросить у местных. Кстати, можно у Веры узнать имя и фамилию отца Никиты?

В трубке зашуршало, раздался приглушённый Верин голос. Через некоторое время тётя Наташа ответила:

– Скорее всего, Фёдор Самохин. А спросить у местных, ты имеешь в виду у...

– Ага, у мёртвых, – закончила мысль Лера.

– Я с вами! – объявила тётя Наташа. Было слышно, как она возбуждена. – Когда выходим? Я готова, если что.

– Нам до сумерек надо успеть, а то кладбище закроют. Давай через час встретимся, – предложила Лера, – она поняла, что Наташу отговорить не удастся.

Тем временем Зоя уже гремела посудой на кухне:

– Снова приключения? – с улыбкой спросила она вошедшую подругу.

– Снова! Только что мы скажем Мише, если он там? Почему на кладбище таскаемся, как на работу?

– Скажем, что ты часики потеряла, – Зоя игриво наклонила голову, откусывая бутерброд.

– Надеюсь, это наше последнее пришествие на погост, – вздохнула Лера, наливая себе кофе.

Через час девушки вышли из дома, встретили тётю Наташу и отправились в сторону кладбища.

– Как там Настя? – поинтересовалась Зоя.

– Лежит. Говорит, голова болит. Правда, поела с утра. Я, конечно, не могу увидеть, что происходит, но, кажется, эта тварь снова добралась до неё.

– Зайдём на обратном пути, если не получится ничего узнать, – пообещала Лера.

За неспешным разговором дорогу одолели быстро. Как только впереди показалась сторожка Миши, Зоя пригладила волосы, стряхнула невидимую пылинку с куртки и глубоко вздохнула.

– Может, на обратном пути заглянем? – осторожно попросила Лера.

– Да, хорошо, давай, конечно, – отрывисто отвечала девушка, думая совсем о другом.

Небо было затянуто серыми тучами. Тянуло холодом. Хорошо хоть, что не было дождя.

Миновав ворота, Лера стала искать могилу Любаши. Ведь они там были всего один раз, к тому же ночью. Подойдя, как она подумала, к нужному ряду, Лера поняла, что совсем не помнит, куда надо поворачивать. Зоя тоже разглядывала дорожки в поисках Любиной могилы. Но в тот памятный день девушка была в таком плохом состоянии, что рассчитывать сегодня на её помощь не приходилось.

– Это место где-то совсем рядом от входа, близко к центральной дороге, но я не могу его найти, – говорила вслух Лера. – Любаша, ну, где же ты, – добавила девушка, безуспешно пытаясь понять, какой поворот тот самый.

– Я здесь, – прошелестело рядом с ухом чуть слышно. Лера развернулась и разглядела прозрачный, еле видимый силуэт. Очертания женщины можно было различить едва-едва. Она больше походила на зыбкое марево в знойный летний день. Силуэт медленно поплыл в направлении нужного ряда. Лера уверенно двинулась за ним.

– Ты вспомнила, куда идти? – спросила тётя Наташа.

– Нас провожают! – тихо ответила Зоя.

Немного отстав, она коротко пересказала женщине историю Любаши. У тётя Наташи, конечно, возникли вопросы, но она пока боялась их задавать.

Вот и знакомый памятник. Попав в оградку, силуэт наполнился фиолетовым цветом, стали различимы черты лица. Любаша улыбалась широко и счастливо. Без слов стало понятно, что визит Николая закончился как задумано.

– Привет, – начала Лера первой, – как вчера всё прошло?

– Так и думала, что это вы! Верила, что Лизоньку не бросите! Каждый день я стояла у ворот и ждала. Знала, что придумаете, как сделать, чтобы он пришёл. Вчера уже решила, что ещё один день пролетел впустую. Сбиралась уходить, вдруг вижу – идёт! Дошёл до ограды, остановился. Ну, думаю, не зайдёт, почуял, видно, неладное. С ним женщина была: ругалась, кричала про то, что он нищий и «бабло» добыть не может. А потом как толкнёт его! Прямо в калитку и рухнул, да ещё затылком приложился. А погосту только того и надо! Секунда, и всё. Сидит мой ненаглядный, слюни пускает, качается. Тётка, поди, подумала, что это она его приложила так. Струхнула, развернулась и дала стрекача! Уж я и не подумала бы, что в таком огромном теле столько прыти. Тут и сторож подбежал. Коленка давай нести чушь, что сейчас придёт комиссия и денег на памятник даст. Потом петь начал, а под конец вообще сказал, что из него демона надо изгнать. Сторож недолго думая «скорую» вызвал, и те его увезли.

Так ему и надо, ироду! Уж как я радовалась! Знаю, плохо это вот так радоваться, но я за Лизоньку мою простить ему не могу! За себя-то уже простила.

Теперь он не будет над девочкой моей издеваться! Кстати, вы видели мою Лизоньку? Почему не придёт? Как она? Большая стала, небось?

Лера обернулась на Зою, не зная, стоит ли рассказывать, и заметила, как тётя Наташа в изумлении смотрит то на неё, то на Зою, то пытается разглядеть Любашу.

– Лиза удивительно взрослая и рассудительная. Она уж точно не пропадёт! – ответила Зоя.

Любаша закружилась на месте:

– Я знала, знала! Моя девочка – боец! Моя умничка! Думала вчера после этих событий, что усопну, но потом решила: вы обязательно придёте и расскажете, как у моей малышки дела. Тогда точно можно упокоиться.

– Любаша, нам помощь нужна, – осторожно начала Лера.

– Что угодно! – тут же ответила женщина, и её лицо стало серьёзным.

– Нам нужно найти одного человека. Он, скорее всего, похоронен на этом кладбище. Его зовут Фёдор Самохин. Ты сможешь помочь?

– Я постараюсь, – кивнула она, затем наклонилась к самой земле и крикнула так, что в ушах зазвенело:

– Эй, подруги! Нужна наша помощь, вставайте!

По поверхности земли пошла странная рябь. Зоя и Лера с интересом оглядывались вокруг. То здесь, то там внутри оградок поднималось фиолетовое марево, принимая человеческие очертания. Любаша переместилась к ближайшему, что-то сказала, и уже вместе они двинулись дальше. Через пару минут не меньше десяти фигур уплыли в разные стороны кладбища.

– Что там? – спросила тётя Наташа, переминаясь с ноги на ногу и пытаясь смотреть туда же, куда и девушки. Зоя пересказала ей весь разговор.

– Значит, ждём, – заключила Наташа.

Быстро смеркалось. Прошло уже около двух часов, как ушла Любаша. Все устали и замёрзли. Начал накрапывать дождь. Мартовский снег, который лежал нетронутым, стаивал на глазах, обнажая коричневые проплешины земли. Заунывно гудел ветер, проносясь редкими порывами. Птицы смолкли. Мир готовился к ночи.

– Может завтра сюда вернуться? – робко сказала Зоя.

– А вдруг Насте станет совсем плохо? Или Любаша решит усопнуть? – ответила Лера, хотя идея оказаться в тепле с кружкой горячего кофе была очень по душе.

– Нашли, пойдём! – радостно прошелестел голос Любаши над ухом.

– Он усоп? – спросила Лера, волнуясь, потому что запасного плана не было.

– Не-а, – удаляясь отозвалась Любаша, – не усоп, но его могила в старой части. Думали, там нет уже никого, а его подхоронили к матери. Там мы в последнюю очередь смотрели.

Все вздохнули с облегчением и пошли вслед за Любашей. А Зоя снова была переводчиком для тёти Наташи.

В старой части кладбища между рядами могил лежал давно никем не чищенный снег. Многие ограды оцетинились буреломом, на который не смогла повлиять даже зима. Памятников почти не было, только кресты и тусклые полустёртые таблички на них. Изредка попадались железные пики военных захоронений. Любаша вела всё дальше и дальше, а компания, утопая в снегу, следовала за ней. Наконец, Любаша остановилась и указала на ограду. В отличие от остальных, прутья на ней были выкрашены, а внутри стоял мраморный памятник.

Через десяток оградок тянулся низкий заборчик, отделяющий кладбище от трассы.

Лера вспомнила, как совсем недавно они с Зоей бежали здесь от Эда и Глеба. От мыслей о нём защемило в груди. Почему так вышло? Первый раз открыла своё сердце, а он оказался негодяем. И вообще, не человеком.

Краем глаза Лера заметила прямо за низкой оградой кладбища фигуру, напоминающую человеческую. Если бы не свет от фар, ненадолго озаряющий небольшой холмик, она бы его не заметила. Монотонно раскачиваясь, фигура почти сливалась с голой растительностью за забором.

– Это кто? – спросила Лера Любашу.

– Самоубийца, но очень старая. Новых кладут с другой стороны погоста – с той, что на поле выходит.

– Почему она так сидит?

– Не может зайти сюда и не может отойти от могилы. И нас не слышит, и мы её. Самоубийцы вообще редко могут усопнуть. Так ей и сидеть здесь, пока совсем Сила не выйдет. А потом застынет как камень, и всё. Сидеть ей веки вечные. Эта живучая, уже лет сто здесь – горе, значит, большое было. Теперь переживает его изо дня в день наедине с собой.

– Это же чудовищно! Почему с ними так обращаются? Почему на кладбище не похоронить, здесь хоть поговорить есть с кем! Это же как вечная пытка одиночной камерой! – не выдержала Зоя.

– Нельзя на погост, – тихо и печально ответила Любаша, – их поступок... будто чума заражает всех вокруг. Мёртвые начинают... перерождаться во что-то иное, – говорила Любаша всё медленнее, делая длинные паузы между словами. Она очень устала – истратила всю Силу на поиски.

Конечно, это было очень плохо, поскольку её помощь ещё могла пригодиться. Зоя и Лера переглянулись. У них на этот случай был заготовлен план, и девушки решили попробовать.

Зоя открыла сумку, достала белую ткань, расшитую по краям золотой тесьмой. Затем жестом фокусника вытащила несколько конфет и горсть риса в коробочке. Лера оглядела угощение и убедилась, что Зоя наплатила его достаточно своей Силой.

– Я поминаю тебя, Любаша, и угощаю! – громко произнесла Зоя.

Глаза женщины расширились, по телу пробежала дрожь, зубы ощерились. Пальцы удлинлись и загнулись крючком. Лера и Зоя были ошарашены происходящим и поторопились отойти подальше. Резким скачком Любаша повернулась вокруг своей оси и нырнула в центр белой ткани. На пару мгновений воцарилась тишина.

– Зой, а что это за слова ты сказала? – тихо спросила Лера.

– Не знаю – первое, что в голову пришло, – шёпотом ответила Зоя.

– Зато теперь я поняла, почему баба Стеша сказала, что нельзя свою Силу здесь предлагать. Если б она так на тебя прыгнула, что было бы?

– Как думаешь, она вернётся? – вместо ответа спросила Зоя.

Девушки подождали ещё несколько минут, но ничего не происходило.

– Ну, что ж, пойдём без Любаши, – твёрдо проговорила Лера и попробовала открыть дверцу оградки. Та завязла в глубоком снегу, поэтому проходить пришлось боком.

С чёрного гранитного памятника на них смотрел суровый мужчина в военной форме.

– Самохин Фёдор Геннадьевич, – прочитала вслух Лера.

Марево над могилой всколыхнулось и приобрело очертания мужчины, похожего на гранитное изображение, только старше лет на двадцать. Та же военная форма и прямая осанка. Мужчина застыл и пристально смотрел в лицо Леры.

– Я живая, и я вас вижу, Фёдор Геннадьевич, – предвосхищая вопросы, первой заговорила девушка.

– Это странно, – коротко бросил мужчина.

– Странно то, что вы умерли, но не усопли, – в тон ему ответила Лера.

– Вы что, какая-то комиссия? – поднял бровь Самохин.

– Ага, комиссия по рассмотрению дел неупокоенных, – приснула Зоя.

Мужчина, не поняв юмора и серьёзно ответил, чётко выговаривая каждое слово:

– Я не могу жену бросить, она одна осталась. При жизни плачет, а как умрёт – покоя не найдёт. Всё дело в младшем сыне – оболтус он.

– Никита? – коротко, на военный манер, спросила Лера.

– Вы его знаете? – удивлённо поднял брови мужчина. Его кулаки сжались, и если бы тело имело краски, точно бы побелели. – Вот если бы я мог ему всё высказать! Да с ним и не говорить надо, а за шкуру взять и к матери притащить! – продолжил он.

– Мы здесь по другому поводу, – сменила тему Лера, – нам нужно знать, давали ли вы кому-то клятву, которую потом нарушили?

– Я? Я офицер! Я всегда держу своё слово! – хмуро и даже с обидой заявил Фёдор Геннадьевич.

– М-да, тупик, – произнесла вслух Лера.

– Спроси, может, его девушка любила какая-нибудь в молодости? Может, она подумала, что он ей поклялся? – предложила версию тётя Наташа, которой Зоя пересказывала весь разговор.

– Он слышит вас, – заметила Лера.

– А, ну, ясно, – засмуцалась женщина, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– А в чём дело? С чего вам копать в моей личной жизни? – подозрительно прищурил глаза мужчина.

– Ваша внучка умирает, – начала было Лера, но он перебил её:

– У меня внучка есть?

– Да, и внук тоже, – заметила девушка. – Насколько мы смогли разобраться, история такая...

Самохин выслушал, помолчал, а после сплюнул сквозь зубы:

– Тряпка! Как был тряпкой, так и остался. Говорил я матери, три шкуры драть с него надо, а она жалела: как же – младшенький да бедненький! И вот итог! Родного ребёнка на

смерть отписал! Да наши деды воевали, чтоб у каждого мальчика было небо чистое над головой, а этот фашист...

– Подождите, это наши предположения! Для того чтобы понять, правы мы или нет, нужно узнать, давали ли вы клятву, которую не сдержали? – перебила Лера поток его брани.

– Я один раз в жизни давал клятву, но не нарушал. Галя сама меня бросила, – пожал плечами Фёдор Геннадьевич.

– Галя? Пожалуйста, расскажите поподробнее, – попросила Зоя.

– Да, чего говорить, молодой был, летёха. Невеста у меня была, Галя. Я ей предложение сделал, свадьбу должны были летом сыграть. А меня в командировку отправили на два месяца. Её с собой взять не разрешили – не жена по документам. Возвращаюсь, и в первый же день ко мне маменька её приходит с гадом этим, Валеркой. Это одной «шишки» сынок. Его к нам заслали, потому что в немилость у папеньки попал. Так вот, и говорит мне маменька её: «Не обессудь, Феденька, но беременна Галочка моя от Валеры... Прости и отпусти, не мути душу разборками».

– И что? Так и не пошли ничего узнавать? – спросила Лера.

– Почему не пошёл? Пошёл! Да только не поговорили мы толком. Она с порога орать начала, что я предатель и с генеральской дочкой шашни завёл. А я что? Меня к ней водителем поставили в командировке. Армия – дело такое: либо выполняй, либо в опалу.

– Объяснились? Удалось ей доказать? – ахнула Зоя.

– Нет, слушать меня не стала. Я вышел от неё, сел за руль, в злости разогнался да и цепанул обочину. Крутануло знатно – прямо в дерево. Чудо, что жив остался. Ногу переломал в нескольких местах. Оттуда без сознания в госпиталь отвезли. Полгода на вытяжке лежал – Галя ни разу так и не пришла ко мне. А как выписали, первым делом к ней. Маменька её дверь открыла и сказала, что дочка её замуж вышла и в область другую уехала. Меня тогда думали списать, потому как хромой, но пожалели. Вот при штабе и оставили.

– Теперь ясно, – Лера обернулась к Зое, – Галя всю жизнь с обидой прожила. Скорее всего, это наш случай.

– Чего ей на меня обижаться? Сама от другого понесла, – ответил Самохин и снова сплюнул.

– А если на минуту предположить, что это её мамаша подстроила? – спросила Зоя.

– Всё равно, у неё было много возможностей объясниться со мной, – пробурчал в ответ мужчина.

– Предлагаем вам поговорить с ней и всё выяснить. Если мы всё правильно поняли, сможете внучку свою спасти. А если это не она, вы ничего не теряете.

Фёдор Геннадьевич задумался и через некоторое время ответил:

– Только сначала с сыном поговорю.

– А как вы поговорите? Он не услышит, – растерялась Лера.

– Вот как с этой, – мужчина показал пальцем на тётю Наташу.

– А он нам поверит? – с сомнением спросила Лера.

– Поверит, я слова найду, – отрезал военный.

– Хорошо, но если не поверит, то не наша вина, договорились? – уточнила Лера.

– Договорились! Слово офицера! А как мы туда попадём? Погост никого не выпускает, – с сомнением сказал Фёдор Геннадьевич.

– Вам надо залезть на спину Зои, – огласила Лера заготовленный план.

– Чего?! Я офицер, я не буду кататься на женщинах, как Пиявка какая-то! – силуэт мужчины задрожал и начал медленно расплываться. Видно было, что Самохин очень рассержен.

– Фёдор Геннадьевич, – вкрадчиво заговорила тётя Наташа, пытаясь смотреть на него, но на самом деле получалось не совсем в нужную сторону, – это война... Война между силами жизни и беспощадной смертью! Костлявая занесла свою косу над беззащитным ребёнком.

Настенька – белокурый ангел, испытывает невыносимые боли! Её мама выплакала все глаза. Она готова отдать всё, что есть, лишь бы спасти свою кровиночку. А вы, родной дед, побрезгуете единственным шансом на спасение? Представьте, что ноги вам оторвало, неужели не воспользуетесь плечом и спиной медсестры, если в руках ещё есть силы стрелять?

У Зои на глазах блеснули слёзы – так проникновенно, пылко и убедительно прозвучала речь тёти Наташи.

Фёдор Геннадьевич стыдливо отвёл глаза:

– Ради внучки и жены я готов!

Зоя подошла к нему вплотную и повернулась спиной. Ворча и ругаясь вполголоса, он сжался в комок, отскочил от земли и прыгнул на Зою, застыв между лопаток.

– Что-нибудь чувствуешь? – спросила Лера.

– Нет, ничего, – Зоя пожимала плечами, будто пыталась ощутить свою «ношу».

Лера с интересом разглядывала её спину: она первый раз видела молодую Пиявку. Больше было похоже, что у Зои вырос прозрачный горб.

– Не могли бы вы так не паяться? Я чувствую себя неудобно, – раздался голос Фёдора Геннадьевича из Зоино горба.

– Простите, не подумала, – ответила Лера, стыдливо опустив глаза.

Было уже совсем темно, когда вся компания двинулась обратно. Леру одолевали сомнения: «Что делать, если мы опоздали с возвращением и ворота закрыты? В калитку с Пиявкой не пройти. Велика вероятность, что голубые реки-вены, переплетающие забор, не пропустят. В ворота, по следам мёртвых, было бы больше шансов... А если ворота закрыты, то что будет, когда их откроют?»

Погружённые каждый в свои размышления, они вышли на центральную дорогу. Навстречу им двигалась знакомая долговязая фигура с фонариком в руке. Миша сегодня работал и теперь совершал обход территории.

Как только Зоя его увидела, то принялась махать рукой. Сторож на пару секунд остановился, взглядываясь, а потом уверенно пошёл им навстречу.

– Что вы здесь делаете? Кладбище уже закрыто, – пытался произнести Миша как можно суровее, но покраснел и засмутился от своей же напускной строгости. Он выглядел скорее мило чем грозно.

– Лера часики потеряла вчера, вот мы и пошли искать, – улыбнулась ему Зоя, – да слишком долго провозились.

– Надеюсь, нашли? – участливо спросил парень.

– Нашли, – подтвердила она. – А ты снова работаешь? Я думала, ты по суткам здесь. Выходит, каждую ночь караулишь?

Не дожидаясь ответа, Зоя взяла его под руку и повела вперёд. Лера и тётя Наташа пошли сзади.

– Нам в ворота пройти надо, а он их закрыл уже, – тихо, чтобы не расслышал Миша, проговорила Лера.

– Попроси открыть! Вы же знаете его, – также тихо ответила тётя Наташа.

– В том то и дело, что мы мало знакомы. Да и потом, как объяснить, почему нам именно ворота нужны? – обречённо вздохнула девушка.

– Я могу попробовать помочь, – прозвучал голос Любаши где-то рядом.

– Любаша, где ты? Где ты была? Что с тобой? – воскликнула Лера, и в этот момент тётя Наташа сжала руку девушки с такой силой, что та ойкнула.

Зоя с Мишей обернулись. По лицу юноши девушка поняла, что с Мишей что-то происходит: юноша открывал и закрывал рот, тыча пальцем куда-то за спину Леры.

Она обернулась и только теперь увидела Любашу, которая светилась ярким сиреневым светом. Но вместо размытого женского силуэта возникло будто голографическое изображение!

Всё было чётким: черты лица, вплоть до морщинок, фигура, платье, прихваченное широким поясом с пуговками. Белые тапочки и кружевной платочек делали образ несколько комичным, но трогательным. Любаша, казалось, сама не понимала, какое впечатление производит на окружающих.

– Привидение! – прошептала тётя Наташа и снова крепко сжала руку Леры.

– Призрак! – вскрикнул Миша. – Этому должно быть разумное объяснение.

Любаша растерянно стала оглядываться по сторонам:

– Где призрак? Какой призрак?

– Она разговаривает! – взвизгнула тётя Наташа.

– Это вы подстроили? Что за шутки?! – Миша схватился за голову. – Очень смешно!

Где-то есть скрытая камера?

– Лера, о чём они? – непонимающе протянула Любаша.

– По-моему, после Зоино угодения что-то снова произошло. Теперь тебя видят живые, – вздохнула Лера и подняла к небу глаза. Она живо представила, как баба Стеша будет ругаться и хвататься за сердце.

– Мне кто-нибудь объяснит, что происходит? Или я один думаю, что светящаяся фи́гня на кладбище это мягко говоря не очень? – у Миши начиналась истерика.

– Неприлично женщину «фигнёй» называть! А ну-ка, извинитесь, молодой человек! – раздался голос за спиной Зои.

Фёдор Геннадьевич стоял в полный рост, и можно было даже прочитать, что написано на медальках, приколотых к его пиджаку.

– Ну, ладно Любаша, а Фёдор Геннадьевич-то почему? – изумилась Зоя, обернувшись на военного.

– Видимо, от тебя хлебнул, – рассудила Лера.

В этот момент Миша, прикрыв глаза, стал оседать на асфальт. Зоя попыталась его в последнюю секунду подхватить, но парень всё-таки упал и ушибся.

– Миш, Миша, вставай, – тормошила его Зоя.

– Удивительно впечатлительный юноша для сотрудника кладбища! – без тени иронии протянул Фёдор Самохин.

– Я медик и не верю в приведения, – слабо отозвался Миша, приходя в себя.

– Ну, что же, мне придётся вас огорчить, молодой человек. Они существуют. Знаете, когда я преставился, тоже долго мучился, пытаюсь принять сей факт. Но пришлось. Так что лучше привыкайте к этой мысли при жизни – для меньшего шока потом, – Фёдор Геннадьевич заложил руки за спину и раскачивался с мыска на пятку.

– Да, согласна! Я сама, когда преставилась, долго не могла поверить. Ждала страшного суда, рая, ада или чего мне полагалось бы. Но правда оказалась страшнее. Я здесь в тюрьме собственной могилы, – включилась в беседу Любаша. – Знала бы, что так будет, давно бы всадила нож мужу в спину!

– Вот это вы зря, уважаемая, зря, – мягко возразил военный. – Вместе со мной отпевали убийцу. Он постоянно кричал, что ему больно. Этот товарищ невыносимо раздражал. Из-за него вся церемония отпевания прошла крайне неприятно.

Тётя Наташа, которая уже смогла взять себя в руки, заметила:

– Может, мы немного оторвёмся от беседы? У вас обоих впереди вечность, а у Насти время на исходе.

– Простите великодушно, не смел торопить юношу, от которого зависит успех нашей операции, – Фёдор Геннадьевич кивнул в сторону Миши.

– Я? От меня? Какая ещё операция? – глаза парня округлились.

Зоя взяла инициативу в свои руки:

– Понимаешь, мы должны доставить Фёдора Геннадьевича к внучке. Я тебе потом всё подробно расскажу, а сейчас просто проверь. Нам обязательно нужно пройти не через калитку, а через ворота. И прости, что я вот так при встрече, понимаешь, такое вряд ли расскажешь сразу, – сбивчиво пыталась объяснить она.

– Да уж. Я до сих пор не верю своим глазам! А про ворота... – Миша задумчиво почесал затылок, – с одной стороны, замок отворить проще простого. С другой, когда устраивался на работу, мне строго-настрого наказали: что бы ни случилось, ни в коем случае не открывать ворота ночью.

– Наверное, потому что могли пройти те, кого ты не увидишь. А мы их видим, поэтому ничего страшного не случится. Ты приоткроешь щёлочку, я пройду с Фёдором Геннадиевичем, и всё, – Зоя с надеждой посмотрела в лицо юноши.

– Что ж, звучит логично, – протянул Миша. Ему очень хотелось показать себя в лучшем свете перед девушкой.

– Ура! Спасибо! – Зоя ослепительно улыбнулась и захлопала в ладоши.

Миша расправил плечи, предложил девушке локоть и, боязливо поглядывая на Любашу и военного, повёл всех к воротам.

Погода наладилась. Из-за туч показалась яркая луна. Ветер стих. Фонари освещали ворота и церковь чуть левее за ними. Серые стены храма в лунном свете казались серебряными. Высокая звонница сверкала боками колоколов.

Осталось пройти ворота, а там – меньше часа ходьбы до дома Никиты.

Остановились. Пока Миша ковырялся в связке ключей, Фёдор Геннадьевич занял своё место на спине Зои.

Любаша, провожавшая их, робко спросила:

– Может, я быстренько с вами? Дочку повидать и назад.

У Леры защемило в груди, но пришлось отказать. Стараясь говорить как можно мягче:

– Любаша, представляешь, как она испугается? Подумай, Лиза хоть и кажется очень взрослой, но каково ей будет жить с мыслями о существовании загробного мира? Она не сможет поделиться ни с кем своей ношей. Ровесники не поверят или, что ещё хуже, засмеют, а то и обижать начнут. Ты будь уверена – мы её не оставим.

Любаша со вздохом кивнула:

– Да, понимаю, не дело это – праздно шляться в мир живых, но я так скучаю по своей крошке...

– Поверь, там, куда ты отправишься после того, как уснёшь, будет возможность встретиться с Лизой, когда придёт время, – заверила её Лера.

Тем временем Миша уже справился с замком и начал открывать ворота. Зоя встала ровно за ним, чтобы побыстрее проскользнуть. Чуть приоткрыв створку ворот, юноша жестом предложил Зое проходить. Едва девушка сделала шаг и пересекла линию ворот, в глубине кладбища что-то гулко ухнуло и покатился рокот. На разные голоса закаркали вороны и взвились в воздух. «Бом-м-м», – ударил церковный колокол. «Бом-м, бом-м-бом-м», – нарастал тревожный звук.

– Быстро все через ворота наружу! – скомандовал Миша, глядя то на ворон, то на колокола. Стоило Лере протиснуться в ворота, как тётя Наташа, споткнувшись, упала прямо на неё:

– Меня будто в спину толкнули, – оправдывалась она.

А Лера заметила, как фиолетовая тень стремительно удалялась от кладбища.

– Мы кого-то выпустили! – обронила она, поднявшись на ноги.

Тем временем Миша пытался закрыть замок. Колокола смолкли. Повисла тишина, но совсем ненадолго: ворота громко содрогнулись, словно по ним ударили изнутри.

Лера подняла голову, чтобы всмотреться в глубь погоста. Внутри всё похолодело: у самых ворот стояло не меньше десяти призраков.

– Чтоб тебя! Их целая толпа! – схватившись руками за голову, вскрикнула Лера. Её сковал ужас. Непослушные ноги предательски подгибались, а во рту пересохло.

– Я никого не вижу! – Миша растерянно оглядывался вокруг.

Один из призраков бросился на ворота, схватился за прутья, и дверца громко лязгнула.

Миша отскочил назад. Тётя Наташа вцепилась Лере в руку и затравленно озиралась по сторонам:

– Где они? Они вышли?

«Бом-м», – прозвучал снова колокол, и мертвецы отступили на шаг, закрывая руками уши.

– Детки, детки, по койкам! – услышала Лера вдруг такой знакомый голос...

Баба Стеша появилась впереди толпы и громко стучала по створке ворот веником. Она была явная, чёткая, даже волосинки на её шали можно было различить. А рядом еле угадывался теперь уже бледный силуэт Любаши.

У Леры чуть отлегло от сердца: «Молодец, Любаша! Увидела, что грядёт беда, и побежала за помощью. Судя по всему отдала всю свою Силу бабе Стеше...»

– Слышите? Что-то звякает! – Миша побледнел и ссутулился, словно хотел спрятаться.

Старуха была зла и кричала Лере:

– Я тебе потом скажу, какая ты дура! Мало тебе того, что солдафона с погоста вытащила, так ещё и ворота надоумила открыть!

При этом смотрела Стеша куда-то за спину Лере. Девушка обернулась, пытаясь понять, куда она смотрит: батюшка в чёрной рясе и с большим крестом на груди выбежал из храма, задрал голову на звонницу и перекрестился. Увидел ребят и бросился к ним, простирая руки:

– Вы слышали? Вы тоже это слышали?

Все усердно закивали.

– Чудо! Господь явил мне сегодня чудо!

Он помялся, пожевал губами, потом махнул рукой и продолжил:

– Прости, Господи, и помилуй! Грешен, сомнения в душу заползли змеей. Могу ли я, грешный, Господу нашему служить как подобает? Остался на всеобщую службу. Яви, говорю, Господи, знак! Только приступил к молитве – колокола звенят. Да как звенят! Тревогу бьют! Вы свидетели, да? – батюшка был невероятно возбуждён: то дёргал себя за бороду, то хватался за округлый живот, выступающий из рясы, то гладил себя по голове, словно успокаивал. Щёки его лихорадочно горели.

Все снова согласно закивали. А батюшка начал ходить кругами, что-то бормоча и повторяя, потом поднимал глаза в небо и яростно крестился. И опять – с простёртыми руками – теперь к Мише:

– Миша! Миша, ты же здесь работаешь, подтверди, что знамение слышал!

– Конечно, конечно, если надо, – испуганно кивая, отвечал юноша.

Батюшка подошёл к самым воротам и взялся за прутья:

– Нужен я им, нужен! Столько горя людского здесь! – он начал беззвучно молиться. Пространство вокруг него наполнялось ярким голубым светом. За воротами уже никого не было...

Лера хотела что-то сказать, но тётя Наташа положила ей руку на плечо и тихо, чтобы слышала только она, прошептала:

– Помнишь, я говорила, что всё в этом мире случается не «потому что», а «для чего -то»? Помнишь? Колокола сегодня звенели, для того чтобы этот человек укрепился в вере своей. Именно сегодня Господь его и оставил в храме.

Лера согласно кивнула, устало вздохнула и позвала:

– Зоя, нам пора.

Миша посмотрел на девушку с мольбой. Было понятно: ему очень хочется, чтобы она осталась и объяснила, что происходит...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.